ПОЛЕЖАЕВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Ленинград · 1949

А. ПОЛЕЖАЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Советский Писатель

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Н. Бельчикова

А. И. ПОЛЕЖАЕВ

Что будет памятью поэта?
Мундир? Не может быть. . .
Грехи?
Они оброк другого света. . .
Стихи, друзья, мои стихи!

Полежаев

I

28 июля 1826 г., через пятнадцать дней после казни пяти декабристов, студент Московского университета Александр Полежаев на рассвете привезен был к Николаю I в Кремлевский дворец. Николай, в присутствии министра народного просвещения, показал Полежаеву переписанный набело экземпляр поэмы «Сашка» и спросил, он ли сочинил эти стихи? Когда Полежаев ответил утвердительно, царь приказал ему читать поэму вслух.

«Волнение Полежаева было так сильно, что он не мог читать. Взгляд Николая неподвижно остановился на нем. . . — Я не могу, — сказал Полежаев. — Читай! —

закричал высочайший фельдфебель. Этот крик воротил силу Полежаеву, он развернул тетрадь... Сначала ему было трудно читать, потом, одушевляясь более и более, он громко и живо дочитал поэму до конца. В местах особенно резких государь делал знак рукой министру. Министр закрывал глаза от ужаса. — Что скажете? — спросил Николай по окончании чтения. — Я положу предел этому разврату. Это все еще следы, последние остатки: я их искореню».

Так рассказывает Герцен, со слов самого Полежаева, об этом свидании, после которого Полежаев отдан был в солдаты.

Полежаев не принимал непосредственного участия в тайных обществах, не был дружен ни с кем из декабристов, и, тем не менее, участь его была не лучше участи тех, кто после разгрома восстания заключен был в тюрьму, сослан на каторгу или в глухие, гиблые места Российской империи. Солдатская служба была не слаще каторги. Полежаев провел несколько лет в самых отчаянных условиях в действующей армии, на Кавказе, он год сидел в тюрьме, подвергнут был телесному наказанию с такой жестокостью, что, по словам очевидца, «долгое время после наказания поэта из его спины вытаскивали прутья». Покровители его неоднократно пытались выхлопотать

ему производство в офицеры, но Николай каждый раз отклонял эти хлопоты. Офицерский чин был ему пожалован за несколько дней до смерти. Возможно, что сам Полежаев так и не узнал об этом. Он умер от чахотки на койке военного госпиталя тридцати двух лет от роду.

Его писательская судьба была не более благополучна, нежели житейская. Цензура искажала, уродовала и запрещала стихи. Многие рукописи его утеряны. Сборник «Урна», поэма «Царь охоты» и предсмертные стихотворения восемьдесят лет лежали в цензурных архивах и были опубликованы накануне революции, а некоторые тексты — только после революции.

Поэма «Сашка», за которую Полежаев был отдан в солдаты, представляет собою описание приключений и похождений московского студента и его приятелей. Она написана в грубых бурлескных тонах, действие ее происходит в кабаках и других «злачных местах», в нее введен целый ряд натуралистических деталей, иногда и вовсе непристойных. Сцены ночных попоек и кутежей сменяются сценами драк с «буфелями» (полицейскими) и посетителями трактиров, язык героев и самой поэмы отнюдь не отличается целомудрием.

Но если бы поэма была только грубой и непристойной, автор ее никогда не на-

влек бы на себя царского гнева, уж во всяком случае не был бы так жестоко наказан, и Николаю I не пришлось бы повторять отвратительную комедию, которую разыгрывал он, допрашивая декабристов, и целовать на прощанье Полежаева, только что обреченного им на суровую кару.

В поэме наряду с грубыми и натуралистическими непристойными описаниями имеются резкие, бичующие стихи, антиклерикальные и освободительные идеи. Поэт выступает против сословных привилегий, чинопочитания, низкопоклонства, против церкви, против религии и, наконец, прямо и недвусмысленно против «презренных палачей» отчизны, против деспотизма Николая I, тирании бюрократов и жандармов.

Поэма о «безбожном сорванце», отличавшемся «жаждой вольности строптивой и необузданностью страстей», неожиданно оборачивается прямым политическим памфлетом.

Поэт, обращаясь к отчизне, выражал свое негодование на настоящее ее положение и с нетерпением призывал ее добиться освобождения:

Когда ты свергнешь с себя бремя
Своих презренных палачей?

«Это все еще следы, последние остатки», — сказал о поэме Николай I. Он всю жизнь с паническим страхом вспоминал о событиях 1825 г. И на этот раз он нисколько не преувеличивал, — это действительно были «следы», это было все то же вольномыслие, которым отличались декабристы, выступившие с попыткой вооруженного переворота.

Поэма имеет явно выраженный автобиографический характер. Недаром же герой носит ту же фамилию, что и автор, а биография его совпадает с биографией Полежаева. К этой биографии и к ее отражению в стихах стоит присмотреться внимательно, она поможет нам уяснить закономерность изменений в творчестве Полежаева.

2

Полежаев родился 30 августа 1804 г.[1] в селе Рузаевке ныне Рузаевского района Мордовской АССР. Он был «незакон-

[1] До последнего времени датой рождения поэта считался 1805 г. И. Д. Воронин в своей работе „А. И. Полежаев. Жизнь и творчество" (Саранск, 1941) на основании тщательных разысканий в местных архивах документальных данных установил, что Полежаев родился в 1804 году. И. Д. Воронину удалось извлечь из материалов данные о том, что будущий поэт родился раньше выхода замуж его матери за мещанина Полежаева.

ным» сыном дворовой девушки Аграфены Ивановны Федоровой и богатого пензенского помещика Л. Н. Струйского. В 1805 году Аграфена Ивановна была выдана замуж за саранского купеческого сына Ивана Ивановича Полежаева и до 1809 года жила вместе с будущим поэтом в городе Саранске.

После внезапного исчезновения И. И. Полежаева Аграфена Ивановна переехала весной 1810 года вместе с сыном Александром и другим сыном Константином в деревню Покрышкино, усадьбу Л. Н. Струйского. Вдова с детьми поселилась в семье своей сестры, вышедшей замуж за дворового Струйского, Якова Андреянова, сапожника по ремеслу. Яков Андреянов, грамотный самоучка, стал первым учителем А. И. Полежаева.

Через несколько месяцев после переезда в Покрышкино мать будущего поэта умерла, и он вместе с братом живет на попечении своих новых родственников, опекунов, в людской избе, среди столяров, сапожников и всякого рода ремесленников.

Герцен по поводу воспитания в барской усадьбе сказал: «Я никак не могу себе представить, что наша передняя вреднее для детей, чем наша «чайная» или «диванная». В передней дети перенимают грубые выражения и дурные ма-

неры, правда; но в гостиной они перенимают грубые мысли и дурные чувства».

Будущий поэт воспринимал в «людской» избе и на скотном дворе, куда он бегал к тетке, грубые манеры, но, как справедливо отмечает И. Д. Воронин, «в душе наполнялся раздумьями о тяжелой, гнетущей его окружавшей действительности».[1]

Отец его, Струйский, принадлежал к распространенному в те времена типу жестоких и развратных крепостников-самодуров.

Тяжелая жизнь и труд крепостных, смерть матери, впечатления от расправы Струйского над своими крепостными — все это омрачало юные годы Полежаева. В августе 1816 г. отец Полежаева отвез его в Москву и поместил в губернскую гимназию, в открытый при ней «Пансион для благородных». В поэме «Сашка», имеющей автобиографический характер, Полежаев охарактеризовал этот «модный пансион» — свое преддверие к университету, преподавание в котором не вызвало восторга в его питомце:

Должно быть, кой чему учился
Иль выучил он на алтын,
Когда достойным учинился
Носить студента знатный чин.

---

[1] И. Д. Воронин. Назв. соч., стр. 62.

После отъезда Полежаева в Москву Струйский до смерти запорол одного из своих крепостных и был за это приговорен судом к лишению чинов, дворянства и ссылке на поселение в Сибирь, где и умер. Можно себе представить, что это был за человек, если даже в эпоху безграничного произвола помещиков и совершенного бесправия крестьянства дворянский суд счел необходимым приговорить дворянина к сравнительно суровому наказанию за жестокое обращение с крепостными.

Полежаев удостоился «знатного чина студента» в 1820 г., когда поступил вольнослушателем на словесное отделение Московского университета. В университете он близко сошелся с кругом студентов, родственных ему прежде всего по социальному положению. В «Сашке» названы подлинные фамилии некоторых из них. Все это были дети мелких чиновников, провинциального духовенства, небогатых купцов, малоземельных дворян. Дружба с этой разночинной средой была для Полежаева вполне естественной: здесь не приходилось ему мучительно переживать свое социальное отщепенство, здесь не вспоминал он о том, что он «незаконный» сын дворовой крестьянки. Очевидно, сознание своего социального отщепенства не покидало его до конца жизни.

В поэме «Царь охоты», написанной в 1837 г., т. е. за год до смерти, он не удержался, чтобы не сказать о родословной героя:

Не имя предков благородных
Себе в наследство он стяжал...
Он сам в число мужей свободных
Господской милостью попал...

Среда, к которой примкнул Полежаев, отличалась резко выраженным демократизмом, и не случайно именно в этой среде возник впоследствии революционный кружок братьев Критских (1827 г.) и затем кружок Сунгурова (1831 г.).

Можно предполагать с почти полной достоверностью, что Полежаев был знаком с некоторыми участниками студенческих революционных кружков. Впоследствии он привлекался к допросу по делу кружка братьев Критских.

К сожалению, это все, что мы знаем о студенческой жизни Полежаева. О том, как учился он в университете, каков был круг его духовных интересов, слушал ли он лекции передовых профессоров М. Г. Павлова и И. И. Давыдова, ничего неизвестно. Память современников сохранила только несколько анекдотов о разгульной его жизни, кстати сказать, достаточно подробно описанной им самим в «Сашке». Нет сомнения, что именно

в это время (1825—1826 гг.) работал он очень интенсивно и начал печататься. В «Вестнике Европы» появился целый ряд оригинальных и переводных его стихотворений, а в Обществе любителей российской словесности, членом которого он был избран, он сам и другие читали его переводы из Байрона и Ламартина.

В июле 1826 г., как мы уже знаем, случилось то самое страшное событие в его жизни, которое навсегда определило его несчастную судьбу. После свидания с Николаем он был назначен унтер-офицером в Бутырский пехотный полк, стоявший в Москве. В бумаге, при которой «препровождался» в полк Полежаев, сказано было: «иметь его под самым строгим надзором и о поведении его ежемесячно доносить начальнику главного штаба его величества». Николай I твердо решил не выпускать Полежаева из-под своей опеки.

Очевидно, контраст между вольной студенческой жизнью и порядками казармы был настолько ощутителен, а самая солдатская жизнь настолько тяжела, что примерно через год Полежаев оказался, по его словам, «не в силах переносить трудов военной службы» и самовольно оставил полк с намерением пробраться в Петербург к начальнику главного штаба барону Дибичу, чтобы

просить его об освобождении. До Петербурга он не доехал, в дороге, видимо, понял, что ему грозит за побег, и счёл за лучшее самому вернуться в полк. О бегстве Полежаева, разумеется, сообщили Николаю. Поэта судили военным судом, который приговорил его к лишению дворянства, приобретенного в университете, к лишению унтер-офицерского чина и разжалованию в рядовые. А Николай прибавил к этому лишение права выслуги. Это значило, что Полежаев на всю жизнь обречен был оставаться рядовым, его имели право подвергнуть телесным наказаниям и любой офицер или унтер-офицер мог издеваться над ним сколько угодно.

Этот приговор показался Полежаеву, — да так оно в действительности и было, — окончательной гибелью. До этого времени он, по крайней мере, мог надеяться на некоторое улучшение своей судьбы. Теперь и с этими надеждами было покончено.

Через два месяца после приговора военного суда Полежаева допрашивали по делу о тайном обществе братьев Критских. В сводке, приложенной к донесению от 27 декабря 1827 г. дежурного генерала Потапова Бенкендорфу о злоумышленном обществе братьев Критских,

сказано, что студент Петр Пальмин «имел у себя дерзкие стихи, полученные им от бывшего студента Полежаева, который выдавал оные за сочинение Рылеева». Это была одна из агитационных песен Рылеева («Ах, где те острова, где растет трын-трава, братцы»), тех самых песен, которые пелись на вечерах участников Северного общества.

В примечании к сводке сообщается: «Полежаев объявил, что знал о содержании тех стихов, но кто оные сочинял и передавал ли он их Пальмину, не помнит». Возможно, Полежаев просто избегал называть на следствии фамилию Рылеева, которая казалась достаточно одиозной чиновникам III Отделения.

Следствие по этому делу не успело закончиться, как над Полежаевым грянула новая беда.

В начале 1828 г. против него было начато дело по обвинению «в пьянстве и произнесению фельдфебелю непристойных слов и ругательств». За нарушение военной дисциплины по доносу фельдфебеля поэта ожидало тяжелое наказание. И его до окончания следствия посадили на гауптвахту, а затем в тюремный каземат. Каземат представлял собой сырой и зловонный подвал. На Полежаева были надеты кандалы и наручники. Здесь просидел он целый год.

Возможно, что здесь началась у Полежаева чахотка, которая позже свела его в могилу.

Полежаев ожидал «прогнания сквозь строй шпицрутенами» и намеревался покончить с собой. В своей наиболее значительной поэме «Арестант» (1828 г.) Полежаев рассказал о невыносимо тяжелых своих переживаниях в тюрьме.

Следствие над Полежаевым по делу кружка Критских было прекращено. Следственные органы больше всего беспокоил вопрос, не принадлежат ли найденные у Пальмина стихи перу самого Полежаева. Поскольку этого установить не удалось, — отпал и самый повод для обвинения.

А по второму делу — о явке в казарму в нетрезвом виде и об оскорблении фельдфебеля — в самом конце 1828 г. последовал приговор: «Хотя надлежало бы за сие к прогнанию сквозь строй шпицрутенами, но в уважение весьма молодых лет вменяется в наказание долговременное содержание под арестом, прощен без наказания с переводом в Московский полк».

В этот период Полежаевым были написаны замечательные стихотворения — «Песнь пленного ирокезца» (1828 г.): «высокий образец благородной силы в чувстве и выражении», — писал о ней Бе-

линский), «Провидение» (1828 г.), поэма «Арестант».

Одним из первых произведений, написанных Полежаевым после катастрофы и крушения его жизни, была «Вечерняя заря» (1826 г.) — «одна из лучших пьес Полежаева, — как оценил ее Белинский, — ...погребальная песня всей жизни поэта; в ней отчаяние растворено тихой грустью, которая особенно поразительна при сжатости и могучей энергии выражения — обыкновенных качеств его поэзии».

Белинский не мог знать, что Полежаев закончил это стихотворение политической концовкой — откликом на расправу царя. Белинский не мог знать, что Полежаев в следующем стихотворении «Цепи» (1826 г.) мотив «тихой грусти» дополнил захватившей его «жаждой сладостного мщения» царю.

Готов! .. Но цепь порабощенья
Гремит на скованных ногах,
И замирает сталь отмщенья
В холодных, трепетных руках.

Теперь стали известными и последние строки этого стихотворения, содержащие смелый политический протест против «цепей нового царя».

Наконец, в эту же пору не сломленный жестокой волей царя поэт в стихотворе-

нии «Рок» (1826 г.) высказал свои раздумья и сочувствие декабристам.

В 1827 г. «вольный поэт» (выражение Полежаева) продолжал писать свои «песни гнева», цикл которых завершает его поэма «Арестант». В поэме также уделено место смелому и резкому осуждению убийце Искариоту-царю. Поражает эта смелость и благородство в устах человека, стонущего в мучительных тисках солдатчины.

В начале 1829 г. Московский полк ушел на Кавказ, в район Северного Дагестана и Чечни. Полежаев пробыл на Кавказе четыре года, неоднократно участвовал в боях, в 1831 г. получил «за отличия в сражениях» унтер-офицерский чин. Годы пребывания его на Кавказе подробно, вплоть до бытовых деталей, описаны в поэмах «Эрпели» (1830 г.) и «Чир-Юрт» (1832 г.). Эти поэмы изданы были отдельной книжкой в 1832 г. В том же году вышла первая книга его стихов.

Условия жизни на Кавказе были нисколько не легче московских. Как и в Москве, Полежаев очень нуждался, но дышалось здесь все же вольнее. Он познакомился здесь с поэтом-декабристом Бестужевым-Марлинским, который в письме к К. Полевому рассказывает, что По-

лежаеву оказывал покровительство генерал Вельяминов, бравший его с собой в экспедиции, а впоследствии пытавшийся, хотя и безуспешно, выхлопотать ему офицерский чин. Правда, покровительство это могло обойтись поэту очень дорого: именно таким образом «покровительствовал» декабристам, сосланным в действующую армию на Кавказ, главнокомандующий Кавказской армией Паскевич. Он посылал их в самые опасные операции, чтобы они могли выслужиться, а еще вернее — погибнуть.

К счастью для Полежаева, покровительство Вельяминова не стоило ему жизни, и в 1833 г. он вернулся с полком в Россию, где находился некоторое время в Коврове, Владимирской губернии, а затем попал в Москву.

В Москве Полежаев познакомился с Герценом, Огаревым, художником Уткиным, поэтом Соколовским. Судя по воспоминаниям современников, имя Полежаева, как талантливого поэта, преследуемого Николаем I, было в то время необычайно популярно в кругах революционно настроенной студенческой молодежи. Члены кружка Герцена — Огарева в 1834 г. были арестованы по делу «о пении противоправительственных дерзких песен» (автором которых был поэт Соколовский) и разосланы по разным ме-

стам. Возможно, что к этому делу был бы привлечен и Полежаев, но его во время ареста и следствия над кружком Герцена и Огарева уже не было в Москве. По распоряжению начальства, он был переведен из Московского в Тарутинский егерский полк, стоявший в г. Зарайске, Рязанской губернии, и в конце 1833 г. должен был покинуть Москву и выехать к месту новой службы.

В Зарайске он встретился с отставным жандармским полковником И. П. Бибиковым, который всячески стремился облегчить участь Полежаева и летом 1834 г. исхлопотал ему неофициальный отпуск. Поэт провел две недели в подмосковном селе Ильинском, в семье Бибиковых.

Полежаев, разумеется, не знал и не узнал никогда, что полковник Бибиков был тем самым лицом, которое в 1826 г. послало в III Отделение донос о Московском университете. В этом доносе указывалось, что воспитанники университета «не уважают закона, не почитают своих родителей и не признают над собой никакой власти», а в подтверждение этой мысли цитировались отрывки из поэмы Полежаева «Сашка». Именно донос Бибикова и был причиной вызова Полежаева к Николаю I, после чего судьба Полежаева сложилась так несчастливо.

В семье у Бибикова Полежаев пережил сильное увлечение дочерью его, Екатериной Ивановной. Две недели, проведенные в Ильинском, были самым светлым периодом в последние годы жизни Полежаева.

Тем трагичнее, тем тягостнее показалась ему жизнь, когда время отпуска истекло. Полежаев не вернулся в полк, он бежал по дороге из Ильинского. Дело на этот раз замяли.

Но теперь Полежаеву уже не на что было надеяться. Представление к офицерскому званию, несмотря на то, что ходатайствовал об этом тот же Бибиков через Бенкендорфа, с которым он был в родстве, задерживалось.

Бибиков в своем ходатайстве Бенкендорфу писал, что поэт раскаялся, переродился, что, «несмотря на свою неопытность и горячность, он остался неколебимо чужд всем либеральным кружкам, и голос его никогда не звучал против правительства», а в III Отделении уже с 1829 г. лежали доставленные туда известным провокатором Шервудом неопубликованные строфы Полежаева, явно опровергавшие заявление Бибикова. Стихи были прямо направлены против правительства и никак не свидетельствовали ни о раскаянии, ни о «благонадежности» Полежаева. В начале 1835 г. Полежаев

узнал, что с производством его в прапорщики велено «повременить».

Он стал много пить; процесс в легких, который начался, вероятно, во время тюремного заключения, вспыхнул с новой силой. Однажды он самовольно ушел из полка, пьянствовал несколько дней, потерял амуницию. За это его наказали с невероятной жестокостью.

25 сентября 1837 г. его свезли в Московский военный госпиталь. Через несколько месяцев, 16 января 1838 г., он умер.

Вряд ли кто-либо из русских писателей прошлого века прожил столь тяжелую жизнь. Судьба издевалась над ним; единственная семья, в которой нашел он гостеприимство и ласку, была семьей того самого жандарма, по доносу которого его отдали в солдаты. Офицерский чин был ему «пожалован» тогда, когда он находился уже в предсмертной агонии.

3

Творчество Полежаева должно быть понято как одно из звеньев в развитии русской политической лирики. Полежаев продолжал традиции революционной поэзии Радищева, Рылеева, Пушкина, традиции, которые нашли свое выражение в творчестве Лермонтова и Некрасова.

Тот факт, что поэзия Полежаева связана с его реальной житейской биографией, что за каждой его строчкой стоит какое-то реальное событие, превосходно понимали и современники и последующие поколения.

Добролюбов недаром почти всю свою рецензию на книгу стихов Полежаева, вышедшую в 1857 г., посвятил именно этой теме трагизма судьбы Полежаева и вопросу о том, кто же виноват в том, что судьба поэта сложилась для него так неблагоприятно и несчастливо.

Говоря о натурах бездеятельных и пассивных, которых история «обходит презрительным молчанием», Добролюбов писал: «Не такова судьба тех несчастных, но все-таки сравнительно высших натур, которые, чуя в себе родник живых сил души, хотят непременно пробиться с ним сквозь кору житейских дрязгов, общественных несправедливостей и людских предрассудков. Течение их жизни бывает бурно и мутно, часто гибельно; нередко они теряются на дороге, если сверху сушит их солнечный зной, а внизу поглощает сожженная, рассыпчатая почва; во всяком случае, их отдельная струя пропадает в общем океане истории человечества. Но все же это — движение, жизнь, а не болотный застой. В болоте погибнуть так же легко, как и в море;

но если море привлекательно-опасно, то болото опасно-отвратительно. Лучше потерпеть кораблекрушение, чем увязнуть в тине. Моралисты обыкновенно люди сонные: их можно разбудить только грозой. При сильном ударе грома они просыпаются, торопливо спрашивают: «что случилось?» и потом начинают кричать об ударе рока, постигшем одного человека, убитого громом. А перед их глазами, возле них сотни и тысячи человек падают от изнеможения, задыхаются, гибнут без шума и следа; этого они не замечают, а если и замечают, то находят, что это совершенно в порядке вещей.

Все эти мысли невольно приходят в голову после прочтения маленькой книжки стихов Полежаева и статьи о нем, написанной Белинским. С обычной своей проницательностью и силой выражает Белинский характер поэзии Полежаева и отношение ее к его жизни. Но у него есть одна фраза, которая может подать повод к ложному толкованию. «Полежаев не был жертвою судьбы, — говорит Белинский, — и, кроме самого себя, никого не имел права обвинять в своей гибели. Мы уже сказали, что, по нашему мнению, именно себя-то он и не мог обвинять.

Пострадал ли Полежаев от судьбы, странно враждебной всем лучшим поэтам

нашим, можно видеть при внимательном взгляде на его портрет, который приложен к нынешнему изданию его сочинений».

К изданию, которое рецензировал Добролюбов, приложен был портрет Полежаева в солдатской шинели. Таким образом, в рецензии прямо указаны причины гибели Полежаева, а все рассуждения Добролюбова сводятся к тому, чтобы показать читателю, кто был непосредственным виновником этой гибели.

Два момента в рецензии очень характерны и показательны. Добролюбов все время ссылается на пример судьбы Полежаева и, отправляясь от этого примера, произносит свой приговор реакции, а самую эту судьбу рассматривает он отнюдь не как исключение, но как типичную для сотен и тысяч человек, которые «падают от изнеможения, задыхаются, гибнут без шума и следа».

Добролюбов справедливо воспринял творческое наследство Полежаева как поэтическую автобиографию, исповедь, дневник. Эта исповедь отмечена такой потрясающей силой и правдивостью, самая судьба, в ней описанная, была настолько трагична, что Добролюбов придал ей общее значение, истолковал ее почти как символ человеческого суще-

ствования в страшных условиях государства крепостников.

Нужно, однако, указать, что в образе героя исповеди Добролюбов выделял главным образом черты мученичества, а в самой судьбе его подчеркивал тот факт, что она обусловлена была жестокостью режима, «общественными несправедливостями и людскими предрассудками».

Другая сторона этого образа — его революционная ненависть к деспотизму, его политическая активность, — хотя и отмечена в статьях Белинского и Добролюбова (Белинский писал о «могучей энергии выражения» поэзии Полежаева; Добролюбов говорил об «энергии и силе смелого бойца», которыми отмечены стихотворения Полежаева), была сильнее подчеркнута Огаревым, печатавшим свою работу вне условий царской цензуры.

Вот что писал Огарев о Полежаеве в предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия»: Полежаев, «спасаясь от утраты всякой надежды в уродливость буйства бесконечного, безобразного, исчез, не развившись, а все же оставив резкий жгучий след; погиб с тем воплем отчаяния, с которым мог погибнуть только человек, чувствовавший, что 14 декабря всякая русская свобода рухнула навеки и что помимо не-

обузданного самозабвения в вечной оргии, — которая доканала бы тщетно живое тело чем скорей, тем лучше, — ничего не остается на свете. Полежаев заканчивает в поэзии первую неудавшуюся битву свободы с самовластием».

Мотив ненависти к самодержавию и к Николаю I в особенности — постоянный и настойчивый мотив в поэзии Полежаева. В начале статьи мы уже указывали на соответствующие цитаты из поэмы «Сашка». Но тот же мотив неоднократно встречается и в последующих лирических стихотворениях.

Так, одно из стихотворений, написанных непосредственно вслед за назначением Полежаева в Бутырский полк, «Вечерняя заря», заканчивается строчками, которые неожиданно переосмысляют все стихотворение:

Навсегда решена
С самовластьем борьба,
И родная страна
Палачу отдана.

До последнего времени эти стихи печатались без заключительных строк и могли быть приняты за элегию, в которой поэт оплакивает безумие молодости, погубившее его:

Буйной жизнью убил
Я надежду мою...

Это предположение было бы тем более вероятно, что стихотворение изобилует романтическими штампами, очень обычными для поэзии той эпохи:

В мире странствую я,
Как вампир гробовой...

и только последние четыре строки неожиданно переключают стихотворение в совершенно иной план — в план гражданской политической лирики.

Такого типа концовки — сравнительно частый прием у Полежаева. Мы встретим их и в стихотворении «Цепи», и в стихотворении «Рок».

Именно в свете этих прямых политических высказываний Полежаева должны восприниматься и те стихи его, в которых он непосредственно политической тематики не затрагивает, а говорит в поэтически-общей форме о своей судьбе и о назначении своем как поэта. К этим стихам относится прежде всего «Песнь пленного ирокезца», «Песнь погибающего пловца» и др. В замечательном стихотворении «Осужденный» он, перечисляя традиционные поэтические темы, заявляет о своем отказе от них, создает

новый образ поэта, трагический образ приговоренного к смертной казни:

Не розы светлого Пафóса,
Не ласки гурий в тишине,
Не искры яхонта в вине, —
Но смерть, секира и колеса
Всегда мне грезились во сне!

Эта поэтическая декларация, рисующая дело поэта как дело борца и мученика, была действительно новым словом в русской поэзии.

Творчество Полежаева отмечено явным стремлением к созданию гражданской, политической, агитационной лирики. К этим попыткам относятся народные агитационные песни, родственные рылеевским агитационным песням, тем самым, за которые Полежаева пытались притянуть к ответственности по делу братьев Критских:

Ай, ахти. Ох, ура!
Православный наш царь,
Николай Г[осударь].
. . . .
Помыкаешь ты нас
По горам, по долам —
Не позволишь ты нам
Отдохнуть ни на час.
От ста[льных] те[саков]
У нас сп[ины] трещат.
От уч[ебных] шагов

У нас но[ги] болят!

. . . .

Так у[мри же теперь],
П[равославный] наш [царь],
Н[иколай] Г[осударь].
Ты бо[лван] наших р[ук].
Мы склейли тебя
И на тысячу штук
Разобьем, разлюбя.

(1835 г.)

К этим же попыткам относится и большая историческая поэма «Кориолан» (1834 г.). Из поэмы этой цензурой были выброшены большие куски, ибо у цензора хватило сообразительности понять, что здесь, в поэме, посвященной античности, содержится целый ряд намеков на разгром движения декабристов, на тиранию Николая I.

Наконец, сюда же нужно отнести и стихотворение «Арестант». Оно представляет собою описание тюрьмы, в которой год просидел Полежаев. Потрясающие бытовые сцены, рисующие жизнь заключенных и самого Полежаева, перемежаются с отступлениями, в которых поэт снова и снова обвиняет Николая I:

О ты, который возведен
Погибшей вольности на трон,
Или, простее говоря,
О[соба] р[усского] ц[аря].

. . . .

Поймешь ли ты, что царский долг
Есть не душить, как лютый волк,
По алчной прихоти своей
Мильоны страждущих людей.
Второй Н[ерон], Ис[кариот],
У[бийца] Б[ратьев] и Н[еврод].

Особого внимания заслуживает отступление, в котором Полежаев пространно говорит о свободе воли и о боге (гл. VI). Подлинно атеистическая позиция Полежаева раскрыта здесь в полной мере. Строчки эти поражают читателя своей поэтической силой и логической последовательностью. В среде декабристов только Барятинский был атеистом, даже Пестель был деистом. И по радикальности и резкости решения религиозного вопроса Полежаев в данном случае может быть сопоставлен только с Пушкиным.

4

Трагическая судьба не сломила Полежаева. Он до конца жизни сохранил свою ненависть к самодержавию Николая. Многие декабристы после неудачного исхода восстания растерялись, выдавали друзей-единомышленников, просили прощения, раскаивались. Полежаев был непримирим, и когда Бибиков, намеревавшийся послать к Бенкендорфу некоторые

его стихи, умолял прибавить в конце стихотворения «Тайный голос» что-нибудь вроде просьбы о прощении, Полежаев наотрез отказался. Именно в тот период, когда Бибиков ходатайствовал перед Бенкендорфом за Полежаева, от своего имени заверяя шефа жандармов, что поэт «раскаялся», Полежаев пишет стихотворение «Негодование», в котором находим такие строфы:

Грустно видеть бездну черную
После неба и цветов,
Но грустнее жизнь позорную
Убивать среди рабов,
И, попранному обидою,
Видеть вечно за собой
С неотступной Немезидою
Безответственный разбой!
Где ж вы, громы-истребители,
Что ж вы кроетесь во мгле,
Между тем как притеснители —
Властелины на земле!

Современные исследователи справедливо видят в этом стихотворении вполне оригинальную вариацию «Стансов» Рылеева («Не сбылись, мой друг, пророчества»; 1825 г.), посвященных А. А. Бестужеву. В «Стансах» Рылеева преимущественно развит мотив трагического одиночества, который осмыслен концовкой общественно-политического осужде-

ния современников, чуждых революционной борьбе:

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей!
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей. . .[1]

А. А. Бестужев в своем стихотворении «Осень» (1829 г., апр.), написанном в Якутской ссылке, ответил на «Стансы» Рылеева и в своем отклике сгустил еще более мотивы разочарования и одиночества.[2] А. А. Бестужев отступил от общественно-политической трактовки этих мотивов и ушел в область психологии.

Полежаев продолжил Рылеева и политический намек в концовке стихотворения Рылеева самостоятельно развернул в яркую политическую инвективу по адресу самовластия и его приспешников.

Значение творчества Полежаева, однако, отнюдь не ограничивается тем, что он в поэзии продолжил традиции политической лирики, — традиции, созданные в России Пушкиным и поэтами-декабри-

---

[1] Эти категории расшифрованы в этом смысле самим Рылеевым в стих. „Гражданин" (1825 г.).

[2] См. об этом в вступительной статье Н. И. Мордовченко к собр. стих. А. А. Бестужева-Марлинского в изд. „Библиотека поэта" (Большая серия). „Сов. Писатель", 1948 г., стр. XXVI—XXVII.

стами. В тяжелый период николаевской реакции, в период между разгромом движения декабристов и теми годами, когда Герцен и Огарев широко развернули свою агитацию, он был одним из немногих, кто открыто высказывал свою ненависть к угнетателям народных масс, кто в стихах огромной поэтической энергии и силы воспевал мужество и твердость, необходимые подлинному революционеру.

Полежаев был одним из непосредственных предшественников поэзии революционной демократии, в его стихах и поэмах возникают элементы того стиля, вершиной которого явилось позже творчество Некрасова.

Его Сашка — герой одноименной поэмы — был совершенно новым для русской литературы героем. Он сознательно противопоставлен Полежаевым Онегину. Поэма была написана вскоре после появления первой главы «Евгения Онегина», в нее вставлены отдельные цитаты из пушкинского романа в стихах, в поэме и в «Онегине» есть ряд далеко не случайных совпадений (особенно во второй главе, описывающей приезд Сашки в Петербург, посещение театра и т. д.). Но при этом все мотивы, совпадающие с «Онегиным», «снижены» то циничной шуткой, то грубым словцом, то какой-либо натуралистической деталью. И все

эти «снижающие» элементы стиля резко подчеркивают противопоставление дворянского и демократического героев.

Это противопоставление Сашки герою пушкинского романа дало повод Герцену сказать, что Полежаев «написал юмористическую поэму «Сашка», пародируя «Онегина».

Правильнее думать, что Полежаев воспользовался готовой формой стиха пушкинского романа, некоторыми готовыми ситуациями и мотивами для того, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть несходство Сашки с Онегиным и, с другой, — продемонстрировать некоторую долю иронии в отношении к своему герою. Ибо в описаниях ночных похождений Сашки автор меньше всего серьезен; он серьезен только там, где идут непосредственно от автора прямые высказывания на политические темы.

Сашка сродни всем своим, описываемым в поэме, приятелям не только по бесшабашности, по необузданной ненависти к «буфелям» и строгому регламенту университетской жизни, но прежде всего по социальному происхождению и положению. Разумеется, в «Сашке» демократизм, являющийся одной из основных и определяющих особенностей творчества Полежаева, еще не нашел своей истинной формы. Эта черта развивается и стано-

вится литературно-принципиальной только в последующих стихах и поэмах, в частности в стихотворении «Арестант», в поэмах «Эрпели» и «Чир-Юрт».

Полежаев по всем условиям своей жизни был значительно ближе к народным массам, нежели большинство декабристов. В тот период, когда некоторые декабристы сами испытали все прелести солдатчины, они уже либо смирились, либо, во всяком случае, разочаровались в осуществимости целей той борьбы, которую они пытались вести. Полежаев, изведав горькую участь раба, одетого в военный мундир, не смирился, но воспитал в себе великую ненависть к угнетателям.

Именно это обстоятельство позволило ему с такой потрясающей силой, яркостью и правдивостью воссоздать в стихотворении «Арестант» обстановку военной тюрьмы, угрожавшей каждому солдату за малейшую провинность. Самый объект изображения был здесь новым для русской поэзии — это была отвергаемая официальной теорией дворянской поэзии «низкая натура», воспроизведенная с такими подробностями и деталями, которые были никак не приняты в современной Полежаеву поэзии.

«Арестант» написан тем же стихом, что и «Шильонский узник» Жуковского: четырехстопным ямбом с парными муж-

скими рифмами. Но здесь, как и в «Сашке», отнюдь не было никакого намерения пародировать: достаточно сопоставить эти две вещи, чтобы понять все различие в методе обоих авторов. «Шильонский узник» — типично романтическая поэма даже в описаниях деталей обстановки тюрьмы. «Арестант» отмечен прежде всего отсутствием каких бы то ни было «украшающих» мотивов, почти протокольной точностью, со всеми натуралистическими подробностями в изображении страшной клоаки, в которой находится «вербованный поэт». Тюрьма в поэме Байрона и Жуковского декоративна, описание тюрьмы в стихах Полежаева страшно и грубо. И если говорить об источниках, которые служили для Полежаева образцами в работе над этой поэмой, то это вовсе не перевод Жуковского, но «Братья-разбойники» Пушкина. Напомним, что в письме к Бестужеву Пушкин оговаривал грубость лексики этой поэмы: «Если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не напугают нежных ушей читательниц «Полярной Звезды», то напечатай его» (отрывок из поэмы. — *Н. Б.)*. Пушкин был здесь прямым учителем Полежаева.

Но разительнее всего сказался демократизм в творчестве Полежаева и тесно связанный с ним реалистический харак-

тер его поэзии в кавказских поэмах. Эти поэмы резко порывают с романтической традицией изображения Кавказа, с романтической традицией кавказской «экзотики». К тому времени, когда они были написаны, романтическая поэма стала достоянием эпигонов, создавших бесчисленные и бездарные подражания «южным» поэмам Пушкина.

Прошу пройтиться на Кавказ! . .
С какою думаешь ты рожей
Узнал заслуженный приказ?
Не восхищался ли, как прежде,
Одним названием, Кавказ?
Не дал ли крылышек надежде
За чертовщиною лететь,
Как то: черкешенок смотреть,
Пленяться день и ночь горами,
О коих с многими глупцами
По географии я знал,
Эльбрусом, борзыми конями,
Которых Пушкин описал,
И прочая... Ах, нет, мой милый!
. . . .
Все эти дивные картины —
Каскады, горы и стремнины. . .
С окаменелою душой,
Убитый горестною долей,
На них смотрю я поневоле.

И верь мне! вижу из всего
Уродство — больше ничего!

Полежаеву необходимо было порвать с традицией для того, чтобы с тем большей резкостью подчеркнуть собственную точку зрения, снять дурной налет экзотики, который являлся характерной чертой поэзии эпигонов. И параллельно этому разоблачению экзотики идет разоблачение казенно-шовинистической пышности в описании походов царской армии и завоеваний Кавказа. Полежаев, иронизируя над этой пышностью, прямо говорит, что война, в которой он участвовал, была

Плененьем горских пастухов
Со многим множеством баранов
И полновесных курдюков...

Он смело выступает с гневным, обличительным протестом против зачинателей войны:

Да будет проклят нечестивый,
Извлекший первый меч войны
На те блаженные страны,
Где жил народ миролюбивый.

Полежаев мечтает о том времени, когда его «воинственная муза... забудет битвы». Картины мирной дружбы народов пленяют его:

В деревне счастливых татар;
В то время русские охотно

Желали видеть их базар.
Мирной чеченец, кабардинец,
Кумык, лезгин, койсубилинец,
И персиянка, и еврей,
Забыв вражду своих обрядов,
Пестрели здесь, как у друзей,
Красою праздничных нарядов. . .

Поэт проклинает виновников братоубийственной войны и мечтает о будущем

. . .той счастливой страны,
Где б люди жили не врагами,
Без права силы и войны!

Полежаев всем существом своим возмущался против захватнической политики русского царизма, который варварскими кровавыми методами «покорял Кавказ». Однако он не видел, что «покоренье Кавказа» имело и другую сторону. Истощенным межнациональными войнами, терзаемым внутренней враждой отдельных княжеств между собой народам Кавказа грозило иго ирано-турецкого Востока. В то же время присоединение к России означало для них приобщение к более высокой культуре, открывало перед ними возможность более быстрого культурного и экономического развития и в этом смысле было явлением прогрессивным.

Реалистический характер поэзии Полежаева сказывается и в описании солдат-

ской жизни на Кавказе. Жестокая тяжесть походной солдатской жизни с необычайной силой отражена в поэмах Полежаева. Глазами солдата увидел Полежаев Кавказ, глазами солдата увидел он всю историю войны на Кавказе. Не грохот и дым канонад, не ярость рукопашной схватки, а тяжелые будни солдатской жизни, изнурительные походы, гибель храбрых солдат под пулями, в утомительных переходах и переправах через стремительно бурные реки — вот что составляет сюжеты его поэм.

Герой поэм Полежаева равно чужд и образу скучающего, разочарованного человека, который бежит от «света», и образу путешественника, эстетически осмысляющего жизнь и быт горных племен среди суровой кавказской природы. Он одет в солдатскую шинель и на собственной спине испытал всю необычайную тяжесть солдатской жизни.

Именно этот реализм, возникший на основе глубокого сочувствия массам, позволяет утверждать, что Полежаев был одним из ранних предшественников поэзии революционной демократии. Разумеется, творчество Некрасова, его реализм неизмеримо богаче и содержательнее творчества Полежаева. На своем пути к реализму Полежаеву приходится прежде всего преодолевать романтические

штампы, которых отнюдь не чужда его поэзия. В целом ряде его стихотворений легко обнаружить романтические натянутые метафоры и сравнения, неуместные преувеличения. Именно эти штампы, эту непреодоленную до конца струю эпигонского романтизма имел в виду Белинский, когда писал по поводу одного из стихотворений Полежаева: «Какая грубая смесь прекрасного с низким и безобразным, грациозного с безвкусным!»

Полежаев, прибегая к романтическим приемам изображения, не разделял преклонения перед средневековьем и мистикой. Ему чужда и враждебна была идеология защитника самовластья царя и поэзия мечтательной фантастики. Он — один из представителей политической антиниколаевской и агитационной поэзии — выступал против дворянского идеалистического романтизма, против эпигонов дворянской эстетики в батальной поэзии. В своих поэмах он выразил отчетливо стремление к реалистическому показу явлений и переживаний простых людей из солдатской массы.

Реализм Некрасова стоит на гораздо более высокой ступени, нежели реализм Полежаева. По поводу «Эрпели», и «Чир-Юрт», и особенно «Арестанта» автора можно упрекнуть в излишнем натурализме. Этот натурализм полностью ска-

зался в комических поэмах Полежаева — «Иман Козел», «День в Москве», резко и беспощадно осужденных Белинским. Но его элементы наличествуют и в самых значительных произведениях Полежаева. Эти элементы внешне, может быть, и сходны с тем, что мы привыкли понимать под натурализмом как результатом вырождения и деградации реализма, но роль их совсем иная. Натурализм Полежаева есть форма раннего, еще неразвитого, еще несложившегося реализма в поэзии.

Полежаева с Некрасовым роднит и интерес к песенному фольклору; и не случайно некоторые песни Полежаева были очень широко известны, вошли в быт («Ахалук», «Сарафанчик»).

В бытность на Кавказе Полежаев сближается с солдатской массой, слышит песни из уст солдат. Об этом он сам говорит в стихотворении «Чир-Юрт» (1832 г.):

Ночлег на месте — нет сомненья. . .
В кострах чеченские дрова.
Вокруг забота и движенье
И песни звучные слова.

Современные исследователи отмечают знакомство Полежаева с оригинальным высокохудожественным фольклором гребенских казаков, со старинными лириче-

скими, балладными военными песнями, следы воздействия которых находят в некоторых стихотворениях («Казак», «Колыбельная»). Жизнью терских станиц навеяны романсы («Пышно льется светлый Терек», «Утро жизни благодатной», «Одел станицу мрак глубокий»), где пейзаж, быт и нравы вполне конкретны, связаны с терским казачеством. Песни Полежаева в духе народной лирики еще полнее раскрывают связь его поэзии с народным творчеством.

Нужно ли говорить, что мы обязаны внимательно отнестись к Полежаеву?

Николаевская реакция обрушилась на него всей своей тяжестью, усмотрев в его творчестве «следы» недавно разгромленного восстания декабристов. Она преследовала, травила, калечила его, она свела его в могилу и все-таки не могла, не в силах была добить, не в силах была погасить в нем ту революционную ненависть, которую питал он к деспотизму Николая I, то сочувствие к угнетенным народным массам, таким же бесправным, как и он, которое всегда горело в нем. Эта ненависть и это сочувствие отразились в его поэзии в полной мере.

Н. Бельчиков

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВЕНОК НА ГРОБ ПУШКИНА

Oh, qu'il est saint et pur le Transport
du Poète,
Quand il voit en espoire, bravant la
morte muette,
Du voyage de temps sa gloire revenir!
Sur les ages futurs, de sa hauteure
sublime,
Il se penche, écoutant son lointain
souvenir;
Et son nom, comme un poids jeté dans
un abime,
Eveille mille échos au fond de l'avenir!

V. Hugo[1]

I

Эпоха! Год неблагодарный! ..
Россия, плачь! .. Лишилась ты
Одной прекрасной, лучезарной,
Одной брильянтовой звезды.
На торжестве великом жизни
Угас для мира и отчизны
Царь сладких песен, гений лир!

---

[1] О, как свят и чист восторг поэта, когда он зрит в своих надеждах, как, презирая немую смерть, его слава остается в течении времени! Склонясь с своей превыспренной высоты над грядущими веками, он внимает своей отдаленной памяти. Имя его, как некая тяжесть, брошенная в бездну, пробуждает тысячекратное эхо в глубине будущего! *В. Гюго.*

С лица земли, шумя крылами,
Сошел, увенчанный цветами,
Народной гордости кумир!

И поэтические вежды
Сомкнула грозная стрела,
Тогда как светлые надежды
Вились вокруг его чела!
Когда рука его сулила
Нам тьму надежд, тогда сразила
Его судьба, седой палач!
Однажды утро голубое
Узрело дело роковое. . .
О, плачь, Россия, долго плачь!
Давно ли озарил лучами просвещенья,
Возвел для бытия и славы Петр Великий,
Как деву робкую на трон!
Давно ли озарил лучами просвещенья
С улыбкою отца, любви и ободренья,
Твой полунощный небосклон.
Под знаменем наук, под знаменем свободы
Он новые создал, великие народы;
Их в ризы новые облек;
И ярко засиял над царскими орлами,
Прикрытыми всегда победными громами,
Младой поэзии венок.

—

Услыша зов Петра, торжественный и громкий,
Возникли: старина, грядущие потомки,
И Кантемир, и Феофан;

И, наконец, во дни величия и мира
Возникла и твоя божественная лира,
Наш Холмогорский великан!
И что за лира: жизнь! Ее златые струны
Воспоминали вдруг и битвы и перуны
Стократ великого царя;
И кроткие твои дела, Елисавета;
И пели все они, в услышание света,
Под смелой дланью рыбаря!
Открылась для ума неведомая сфера;
В младенческих душах зиждительная вера
Во все прекрасное зажглась;
И счастия заря роскошно и приветно
До скал и до степей Сибири многоцветной
От вод балтийских разлилась!
Посеяли тогда изящные искусства
В груди богатырей возвышенные чувства;
Окреп полмира властелин;
И обрекли его, в воинственной державе,
Бессмертию веков, незакатимой славе
Петров, Державин, Карамзин!

II

Потом, когда неодолимый
Сын революцьи, Бонапарт,
Вознес рукой непобедимой
Трехцветной Франции штандарт;
Когда под сень его эгиды
Склонились робко пирамиды
И Рима купол золотой;

Когда смущенная Европа
В волнах кровавого потопа
Страдала под его пятой;

Когда отважный, вне законов,
Как повелительное зло,
Он диадимою Бурбонов
Украсил дерзкое чело;
Когда, летая над землею,
Его орлы, как будто мглою,
Мрачили день и небеса;
Когда, муж пагубы и рока,
Устами грозного пророка
Вещал вселенной чудеса;

Когда воинственные хоры
И гимны звучные певцов
Ему читали приговоры
И одобрения веков;
И в этом гуле осуждений,
Хулы, вражды, благословений
Гремел, гремел, как дикий стон,
Неукротимый и избранный,
Под небом Англии туманной,
Твой дивный голос, о Байрон!..

Тогда, тогда в садах Лицея
Природный, русский Соловей,
Весенней жизнью пламенея,
Расцвел наш юный Корифей;
И гармонические звуки
Его младенческие руки

Умели рано извлекать;
Шутя пером, играя с лирой,
Он Оссиановой порфирой
Хотел, казалось, обладать...
Он рос, как пальма молодая
На иорданских берегах,
Главу высокую скрывая
В ему знакомых облаках;
И, друг волшебных сновидений,
Он понял тайну вдохновений;
Глагол всевышнего постиг;
Восстал, как новая стихия,
И изумленная Россия
Узнала гордый свой язык!

III

И стал он петь; и все вокруг его
внимало;
Из радужных цветов вручил он покрывало
Своей поэзии нагой;
Невинна и смела, божественная дева
Отважному ему позволила без гнева
Ласкать, обвить себя рукой;
И странствовала с ним, как верная
подруга,
По лаковым паркé блистательного круга
Временщиков, князей, вельмож;
Входила в кабинет ученых и артистов;
И в залы, где шумят собрания софистов,
Меняя истину на ложь!
Смягчала иногда, как гений лучезарный,

Гонения судьбы то славной, то коварной;
Была в тоске и на пирах:
И вместе пронеслась, как буйная зараза,
Над грозной высотой мятежного Кавказа
И Бессарабии в степях.
И никогда, нигде его не покидала:
Как милое дитя, задумчиво играла
Или волной его кудрей,
Иль бледное чело, объятое мечтами,
Любила украшать небрежными перстами
Венком из лавров и лилей.
И были времена: унылый и печальный,
Прощался иногда он с музой гениальной:
Искал покоя, тишины;
Но и тогда, как дух, приникнув к изголовью,
Она его душе с небесною любовью
Дарила праведников сны.
Когда же, утомясь минутным упоеньем,
Всегдашним торжеством — высоким наслажденьем,
Всегда юна, всегда светла —
Красавица земли, она смыкала очи, —
То было на цветах; а их во мраке ночи
Для ней рука его рвала.
И в эти времена всеведущая Клио
Являлась своему любимцу горделиво,
С скрижалью тайною веков;
И пел великий муж великие победы:
И громко вызывал, о праотцы и деды,
Он ваши тени из гробов.

IV

Где же ты, поэт народный,
Величавый, благородный,
Как широкий океан;
И могучий и свободный,
Как суровый ураган?
Отчего же голос звучный,
Голос с славой неразлучный,
Своенравный и живой
Уж не царствует над скучной
Полумертвою душой;
Не владеет нашей думой,
То отрадной, то угрюмой
По внушенью твоему?
Не всегда ли безотчетно,
Добровольно и охотно
Покорялись мы ему!
О так! о так! певец Людмилы и Руслана,
Единственный певец волшебного фонтана,
Земфиры, невских берегов:
Певец любви, тоски, страданий неизбежных,
Ты мчал нас, уносил по лону вод мятежных
Твоих пленительных стихов;
Как будто усыплял их рокот грациозный,
Как будто наполнял мечтой религиозной
Давно почивших мертвецов.

И долго, превратясь в безмолвное вниманье,

Прислушивались мы, когда их рокотанье
Умолкнет с отзывом громов.
Мы слушали, томясь приятным ожиданьем,
И вдруг, поражена невольным содроганьем,
Россия мрачная, в слезах
Высоко над главой поэзии печальной
Возносит не венок... но факел погребальный,
И Пушкин — труп, и Пушкин — прах!..
Он прах!.. Довольно! — Прах, и прах непробудимый!
Угас, и навсегда, мильонами любимый,
Державы северной Баян!
Он новые приял, нетленные одежды;
И к небу воспарил под радугой надежды,
Рассея вечности туман!

V

ГИМН СМЕРТИ

Совершилось! Дивный Гений!
Совершилось! Славный муж
Незабвенных песнопений
Отлетел в страну видений,
С лона жизни в царство душ!

Пир унылый и последний
Он окончил на земле;
Но, бесчувственный и бледный,
Носит он венок победный
На возвышенном челе.

О, взгляните, как свободно
Это гордое чело!
Как оно в толпе народной
Величаво, благородно,
Будто жизнью расцвело.
Если гибельным размахом
Беспощадная коса
Незнакомого со страхом
Уравнять умела с прахом, —
То узрел он небеса!
Там под сению святого,
Милосердного творца,
Без печального покрова
Встретят жителя земного,
Знаменитого певца.
И благое провиденье
Слово мира изречет;
И небесное прощенье,
Как земли благословенье,
На главу его сойдет.
Тогда, как дух бесплотный, величавый,
Он будет жить бессумрачною славой;
Увидит яркий, светлый день;
И пробежит неугасимым оком
Мильон миров, в покое их глубоком,
Его торжественная тень!
И окружит ее над облаками
Теней, давно прославленных веками,
Необозримый легион:
Петрарка, Тасс, Шенье — добыча казни...
И руку ей, с улыбкою приязни,
Подаст задумчивый Байрон;

И между тем, когда в России изумленной
Оплакали тебя и старец и младой,
И совершили долг последний и священный,
Предав тебя земле холодной и немой,
И бледная, в слезах, в печали
безотрадной,
Поэзия грустит над урною твоей, —
Неведомый поэт, но юный, славы
жадный, —
О Пушкин! — преклонил колено перед
ней!
Душистые венки великие поэты
Готовят для нее — второй Анакреон;
Но верю я — и мой в волнах суровой
Леты
С рождением его не будет поглощен:
На пепле золотом угаснувшей кометы
Несмелою рукой он с чувством положен!

Марта 2-го дня [1837 г.]

1826

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

Я встречаю зарю
И печально смотрю,
Как кропинки дождя,
По эфиру слетя,
Благотворно живят
Попираемый прах,
И кипят и блестят
В серебристых звездах
На увядших местах
Пожелтевших лугов.
Сила горней росы,
Как божественный зов,
Их младые красы
И крепит и растит.
Что ж, кропинки дождя,
Ваш бальзам не живит
Моего бытия?
Что ж в вечерней тиши,
Как приятный обман,
Не исцелит он ран
Охладевшей души?
Ах, не цвет полевой

Жжет полдневной порой
Разрушительный зной:
Сокрушает тоска
Молодого певца,
Как в земле мертвеца
Гробовая доска...
Я увял — и увял
Навсегда, навсегда.
И блаженства не знал
Никогда, никогда.
И я жил, но я жил
На погибель свою...
Буйной жизнью убил
Я надежду мою...
Не расцвел — и отцвел
В утре пасмурных дней;
Что любил, в том нашел
Гибель жизни моей.
Дух уныл, в сердце кровь
От тоски замерла;
Мир души погребла
К шумной воле любовь...
Не воскреснет она!
Я надежду имел
На испытных друзей, —
Но их рой отлетел
При невзгоде моей.
Всем постылый, чужой,
Никого не любя,
В мире странствую я,
Как вампир гробовой...
Мне противно смотреть

На блаженство других
И в мучениях злых.
Не сгораючи, тлеть...
Не кропите меня
Вы, росинки дождя:
Я не цвет полевой;
Не губительный зной
Пролетел надо мной.
Я увял — и увял
Навсегда, навсегда.
И блаженства не знал
Никогда, никогда.
Изменила судьба...
Навсегда решена
С самовластьем борьба,
И родная страна
Палачу отдана.

ЦЕПИ

К чему игрой воображенья
Картины счастья рисовать?
К чему душевное мученье
Тоской опасной растравлять?
Гонимый роком своенравным,
Я вяну жертвою страстей
И угнетен ярмом бесславным
В цветущей юности моей!..
Я зрел: надежды луч прощальный
Угас навеки в небесах,
И факел смерти погребальный
С тех пор горит в моих очах!
Любовь к прекрасному, природа,
Младые девы и друзья,
И ты, священная свобода, —
Все, все погибло для меня!
Без чувства жизни, без желаний,
Как отвратительная тень,
Влачу я цепь моих страданий
И умираю ночь и день!
Порою огнь души унылой
Воспламеняется во мне,
С снедающей меня могилой
Борюсь, как будто бы во сне!

Стремлюсь, в жару ожесточенья,
Мои оковы раздробить
И жажду сладостного мщенья
Живою кровью утолить!
Уже рукою разъяренной
Берусь за пагубную сталь,
Уже рассудок мой смущенный
Забыл и горе и печаль! ..
Готов! .. Но цепь порабощенья
Гремит на скованных ногах,
И замирает сталь отмщенья
В холодных, трепетных руках...
Как раб испуганный, бездушный,
Тогда клянусь и плачу я
И вновь взираю равнодушно
На цепи нового царя.

РОК

Зари последний луч угас
В природе усыпленной;
Протяжно бьет полночный час
На башне отдаленной.
Уснули радость и печаль
И все заботы света;
Для всех таинственная даль
Завесой тьмы одета.
Все спит... Один свирепый рок
Чужд мира и покоя
И столько ж страшен и жесток
В тиши, как в вихре боя.
Ни свежей юности красы,
Ни блеск души прекрасной
Не избегут его косы,
Нежданной и ужасной!
Он любит жизни бурный шум,
Как любят рев потока,
Или как любит детский ум
Игру калейдоскопа.
Пред ним равны — рабы, цари:
Он шутит над султаном.
Равно как шучивал Али
Янинский над фирманом.

Он восхотел — и Крез избег
Костра при грозном Кире,
И Кир, уснув на лоне нег,
Восстал в подземном мире.
Велел — и Рима властелин —
Народный гладиатор,
И Русь, как кур, передушил
Ефрейтор-император.

ЕЩЕ НЕЧТО

Притеснил мою свободу
Кривоногий штабс-солдат:
В угождение уроду
Я отправлен в каземат.

И мечтает блинник сальный
В черном сердце подлеца
Скрыть под лапою нахальной
Имя вольного певца.

Но едва ль придется шуту
Отыграться без стыда:
Я — под спудом на минуту,
Он — в болоте навсегда.

ПЕСНЬ ПЛЕННОГО ИРОКЕЗЦА

Я умру! на позор палачам
Беззащитное тело отдам!
Равнодушно они
Для забавы детей
Отдирать от костей
Станут жилы мои;
Обругают, убьют
И мой труп разорвут!
Но стерплю! Не скажу ничего,
Не наморщу чела моего,
И, как дуб вековой,
Неподвижный от стрел,
Я недвижим и смел
Встречу миг роковой,
И, как воин и муж,
Перейду в страну душ.
Перед сонмом теней воспою
Я бесстрашную гибель мою,
И рассказ мой пленит
Их внимательный слух,
И воинственный дух
Стариков оживит;

И пройдет по устам
Слава громким делам.
И рекут они в голос один:
«Ты достойный праправедов сын!»
Совокупной толпой
Мы на землю сойдем
И в родных разольем
Пыл вражды боевой.
Победим, поразим
И врагам отомстим!
Я умру! на позор палачам
Беззащитное тело отдам!
Но, как дуб вековой,
Неподвижный от стрел,
Я недвижим и смел
Встречу миг роковой!

ПЕСНЬ ПОГИБАЮЩЕГО ПЛОВЦА

I

Вот мрачится
Свод лазурный!
Вот крутится
Вихорь бурный!
Ветр свистит,
Гром гремит,
Море стонет —
Путь далек...
Тонет, тонет
Мой челнок!

II

Все чернее
Свод надзвездный,
Все страшнее
Воют бездны.
Глубь без дна —
Смерть верна!
Как заклятый
Враг грозит,

Вот девятый
Вал бежит!..

III

Горе, горе!
Он настигнет:
В шумном море
Челн погибнет!
Гроб готов...
Треск громов
Над пучиной
Ярых вод —
Вздох пустынный
Разнесет!

IV

Дар заветный
Провиденья,
Гость приветный
Наслажденья —
Жизнь иль миг!
Не привык
Утешаться
Я тобой —
И расстаться
Мне с мечтой!

V

Сокровенный
Сын природы,
Неизменный

Друг свободы, —
С юных лет
В море бед
Я направил
Быстрый бег
И оставил
Мирный брег!

VI

На равнинах
Вод зеркальных,
На пучинах
Погребальных
Я скользил;
Я шутил
Грозной влагой —
Смертный вал
Я отвагой
Побеждал!

VII

Как минутный
Прах в эфире,
Бесприютный
Странник в мире,
Одинок,
Как челнок,
Уз любови
Я не знал,
Жаждой крови
Не сгорал!

VIII

Парус белый
Перелетный,
Якорь смелый
Беззаботный,
Тусклый луч
Из-за туч,
Проблеск дали
В тьме ночей —
Заменяли
Мне друзей!

IX

Что ж мне в жизни
Безызвестной?
Что в отчизне
Повсеместной?
Чем страшна
Мне волна?
Пусть настигнет
С вечной мглой,
И погибнет
Труп живой!

X

Все чернее
Свод надзвездный;
Все страшнее
Воют бездны;
Ветр свистит,

Гром гремит,
Море стонет —
Путь далек...
Тонет, тонет
Мой челнок!

АРЕСТАНТ

(Александру Петровичу Лазовскому)

Ты мне чужой, не с давних лет
Знаком душе твоей поэт!
Не симпатия двух сердец
Святого дружества венец
В счастливой жизни нам вила
И друг для друга родила.
Быть может, раз сойтись с тобой
Мне предназначено судьбой —
И мы сошлись... Ты — в красоте
Цветущих дней, я — в наготе
Позорных уз... Добро иль зло
Тебя к страдальцу привело,
Боюсь понять... под игом бед
Мне подозрителен весь свет;
Погибшей истины черты
В глазах моих одни мечты...
Уму свирепому она
И ненавистна и смешна!
Быть может, ветреник младой,
Смеясь над глупой добротой,
Вменяя шалости в закон
И быстрым чувством увлечен,
Ты ложной жалостью хотел

Смягчить ужасный мой удел
Иль осмеять мою тоску;
Быть может, лестью простаку
Желал о прежнем вспомянуть
И беспощадно обмануть. . .
Но пусть, игралище страстей,
Я буду куклой для людей,
Пусть их коварства лютый яд
В моей груди умножит ад. . .
И ты не лучше их ничем. . .
Не знаю сам: за что, зачем
Я полюбил тебя. . . Твой взор
Не есть несчастному укор.
Твой голос, звук твоих речей
Мне мил, как сладостный ручей. . .
Так соловей в ночной тиши
Поет для горестной души,
Так Аббадоне Урийл
Во тьме геенны говорил. . .
Глаза печальные мои
Слезу приязни и любви
В твоих заметили очах. . .
Ты любишь сам меня — но, ах!
Твое участие ко мне,
Как легкий пепел на огне,
На миг возникнет, оживет —
И вместе с ветром пропадет.
Я не виню тебя!.. Жесток
Ко мне не ты, а злобный рок,
И ты простишь в пылу страстей
Обидной вольности моей. . .
Я снова узник и солдат!..

Вот тайный дар моих стихов...
Проникни в силу этих слов...
Прочти, коль вздумаешь, спиши
И не забудь меня в глуши...
Когда ж забудешь — бог с тобой!
Но знай, что я навеки твой...

Спасские казармы 1828 г.

I

Ты хочешь, друг, чтобы рука
Времен прошедших чудака,
Вооруженная пером,
Черкнула снова кой о чем?
Увы! Старинный жар стихов
И след сатир и острых слов
Исчезли в буйной голове,
Как след дриады на траве
Иль запах розы молодой
Под недостойною пятой:
Поэт пленительных страстей
Живой сидит в когтях чертей,
Атласных ножек не поет
И чуть по-волчьи не ревет...
Броня сермяжная и штык —
Удел того, кто был велик
На поле перьев и чернил;
Солдатский кивер осенил
Главу, достойную венка...
И Чайльд-Гарольдова тоска

Лежит на сердце у того,
Кто не боялся никого...
Но на призывный, дружний глас
Отвечу я в последний раз,
Еще до смерти согрешу —
И лист бумаги испишу...
Прочти его и согласись,
Что если средства нет спастись
От угнетенья и цепей,
То жизнь страшнее ста чертей —
И что свободный человек
Свободно кончить должен век...
. . . .
... опыт злой
Завесу с глаз моих сорвал
И ясно, ясно доказал,
Что добродетель есть мечта,
... суета.
Любовь и дружба: пара слов,
А жалость — мщение врагов..
Одно под солнцем есть добро:
Неочиненное перо...

II

В столице русских городов
Мо[щей], мон[ахов] и попов,
На славном Вале Земляном
Стоит странноприимный дом;
И рядом с ним стоит другой,
Крутом обстроенный, большой —
И этот дом известен нам,

В Москве, под именем казарм;
В казармах этих тьма людей
И ночью множество...
На нарах с воинами спят,
И веселятся, и шумят;
И на огромном том дворе,
Как будто в яме иль дыре,
Издавна выдолблено дно,
Иль гаубвахта, все равно. .
И дна того на глубине
Еще другое дно в стене.
И называется тюрьма;
В ней сырость вечная и тьма,
И проблеск солнечных лучей
Сквозь окна слабо светит в ней;
Растресканный кирпичный свод
Едва, едва не упадет
И не обрушится на пол,
Который снизу, как Эол,
Тлетворным воздухом несет
И с самой вечности гниет...
В тюрьме жертв на пять или шесть
Ряд малых нар у печки есть.
И десять удалых голов,
Царя решительных врагов,
На малых нарах тех сидят,
И кандалы на них гремят...
И каждый день повечеру,
Ложася спать, и поутру
С м[олитвой] к Г[осподу] Х[ристу]
Царя российского....
Они ссылают наподряд

И все служить ему хотят
За то, что мастер он лихой
За п[устяки] г[онять] ск[возь] с[трой].
И против нар вдоль по стене
Доска, подобная скамье,
И на доске, что у окна
На двух столпах утверждена,
Броней сермяжною одет,
Лежит вербованный поэт.
Броня на нем, броня под ним,
И все одна и та же с ним,
Как верный друг, всегда лежит,
И согревает, и хранит;
Кисет с негодным табаком
И полновесным пятаком
На необтесанном столе
Лежит у узника в угле.
Здесь триста шестьдесят пять дней
В кругу плутоновых людей
Он смрадный воздух жизни пьет
И [самовластие] клянет.
Здесь он во цвете юных лет,
Обезображен, как скелет,
С полуостриженной брадой,
Томится лютою тоской. . .
Он не живет уже умом —
Душа и ум убиты в нем;
Но, как бродячий автомат
Или бесчувственный солдат,
Штыком рожденный для штыка,
Он дышит жизнью дурака:

Два раза на день ест и пьет
И долг природе отдает. . .

III

Воспоминанья старины,
Как обольстительные сны,
Его тревожат иногда:
В забвеньи горестном тогда
Он воскресает бытием:
Безумным, радостным огнем
Тогда глаза его горят,
И слезы крупные блестят,
И очарованный мечтой,
Надежды жизни молодой
Несчастный видит, ловит вновь.
Опять поэт; опять любовь
К свободе, к миру в нем кипит!
Он к ней стремится, к ней летит;
Он полон милых сердцу дум. . .
Но вдруг цепей железных шум
Иль хохот глупых беглецов,
Тюрьмы бессмысленных жильцов,
Раздался в сводах роковых —
И рой видений золотых,
Как легкий утренний туман,
Унес души его обман. . .
Так жнец на пажити родной,
Стрелой сраженный громовой,
Внезапно падает во прах —
И замер серп в его руках. . .
Надежду, радость — все взяла
Молниеносная стрела! . .

IV

О ты, который возведен
Погибшей вольности на трон,
Или, простее говоря,
О[соба] р[усского] ц[аря]!
Коснется ль звук моих речей
Твоих обманутых ушей?
Узришь ли ты, прочтешь ли ты
Сии правдивые черты? . .
Поймешь ли ты, как мудрено
Сказать в душе: все решено!
Как тяжело сказать уму:
«Прости, мой ум, иду во тьму»;
И как легко черкнуть перу:
«Ц[арь] Н[иколай] б[ыть] по с[ему]».
Поймешь ли ты, что твой народ
Есть пышный сад, а ты — Ленотр,
Что должен ты его беречь
И ветви свежие не сечь...
Поймешь ли ты, что ц[арский] долг
Есть не душить, как лютый волк,
По алчной прихоти своей
Мильоны страждущих людей...
Но что? К чему напрасный гнев,
Он не сомкнет молохов зев:
Бессилен звук в моих устах,
Как меч в заржавленных ножнах...
И я в тюрьме...
Ватага спит;
Передо мной едва горит
Фитиль в разбитом черепке;

С ружьем в ослабленной руке,
На грудь склонившись головой,
У двери дремлет часовой;
Вблизи усталый караул
Глаза бессонные сомкнул.
На гаубвахте тишина. . .
Бог винограда, бог вина,
Сын пьяный пьяного отца,
Зачем приятный глас певца,
В часы полуночных пиров,
Не веселит твоих сынов?
Зачем на лире золотой
Перед волшебницей младой
В восторге чувств он не гремит,
И бледный, пасмурный сидит
Без возлияний и друзей
В руках едва ль полулюдей? . .
Не он ли свежесть ранних сил
Тебе на жертву приносил
Во дни беспечной старины?
Не он ли розами весны
Твой благодетельный покал
Рукой покорной украшал?
Свершилось! . . Нет его! . . Ударь
Поблекшим тирсом в свой алтарь!
Пролей вино из томных глаз —
Твой жрец, твой верный жрец угас!
Угас, как факел буйных дев,
Исчез, как громкий их напев:
«Эван, эвоэ, сильный Вакх!»,
Как разум скучный на пирах. .
Вторый Н[ерон], Ис[кариот].

У[бийца] Б[ратьев] и Н[емврод].
Его враждой своей почтил
И — лобызая, удушил!

V

Оставлен всеми, одинок,
Как в море брошенный челнок
В добычу яростной волне,
Он увядает в тишине...

. . . .

Участье верное друзей,
Которых шумные рои,
Под ложной маскою любви,
Всегда готовы для услуг,
Когда есть денежный сундук
Или подобное тому —
Не в тягость более ему:
Из ста знакомых щегольков,
Большого света знатоков,
Никто ошибкою к нему
Не залетал еще в тюрьму...
Да и прекрасно... Для чего!..
Там нет ни водки, ничего...
Чутье животных, модный тон
Или приличия закон —
Вот тайна дружественных уз...
А нежность сердца, тонкий вкус —
Причина важная забыть
Того, кто слезы должен лить:
«Ах, как он жалок, cependant

C'était naguère un bon enfant!»[1]
Лепечет милый фанфарон,
И долг приязни заплачен...
И что пенять? Они умны,
Их рассуждения верны:
Так должно было; наперед
Судьба нам сделала расчет:
Им наслаждение дано,
А мне страданье суждено!
И правы мрачный фаталист
И всем довольный оптимист...

VI

Система звезд, прыжок сверчка,
Движенья моря и смычка —
Все воля творческой руки...
Иль вера в бога пустяки?
Сказать, что нет его: смешно;
Сказать, что есть он: мудрено.
Когда он есть, когда он — ум,
Превыше гордых наших дум,
Правдивый, вечный и благой,
Всегда живущий сам собой,
Омега, альфа бытия...
Тогда он нам не судия:
Возможно ль то ему судить,
Что вздумал сам он сотворить?
Свое творенье осудя,
Он опровергнет сам себя!..

---

[1] «Между тем был недавно хорошим малым». (Прим. ред.)

Твердить преданья старины,
Что мы в делах своих вольны,
Есть перекорствовать уму...
И, значит, впасть в иную тьму...
Его предведенье могло
Моей свободы видеть зло —
Он должен был из тьмы веков
Воззвать атом мой для оков.
Одно из двух: иль он желал,
Чтобы невинно я страдал,
Или один свирепый рок
В пучину бед меня завлек?..
Когда он видел, то хотел,
Когда хотел, то повелел,
Все чрез него и от него,
А заключенье из того:
Когда я волен — он тиран,
Когда я кукла — он болван.

VII

Так и забвение друзей —
Оно не есть коварство змей;
Так пусть же тягостной руки
Меня снедающей тоски
Не испытают на себе,
В угодность ветреной судьбе;
Страдальца давнего покой
Постыдной зависти чертой
Чужого счастья не смутит!..
А ты, примерный человек,
Души высокой образец,
Мой благодетель и отец,

О Струйский, можешь ли когда,
Добычу гнева и стыда,
Певца преступного простить? . .
Неблагодарный из людей,
Как погибающий злодей
Перед секирой роковой,
Теперь стою перед тобой! . .
Мятежный век свой погубя,
В слезах раскаянья тебя
Я умоляю! . . . .
Священным именем отца
Хочу назвать тебя! . . Зову. . .
И на покорную главу
За преступления мои
Прошу прощения, любви! . .
Прости! . . Прости! . . моя вина
Ужасной местью отмщена!
. . . .

VIII

Завеса вечности немой
Упала с шумом предо мной. . .
Я вижу. . .
. . .мой стон
Холодным ветром разнесен,
Мой труп . . . .
Добыча вранов и червей
. . . .
И нет ни камня, ни к[реста],
Ни огородного шеста
Над гробом узника тюрьмы —
Жильца ничтожества и тьмы. —

ОСУЖДЕННЫЙ

Нас было двое — брат и я ..

А. Пушкин

I

Я осужден! К позорной казни
Меня закон приговорил!
Но я печальный мрак могил
На плахе встречу без боязни, —
Окончу дни мои, как жил!

II

К чему раскаянье и слезы
Перед бесчувственной толпой,
Когда назначено судьбой
Мне слышать вопли, и угрозы,
И гул проклятий за собой?

III

Давно душой моей мятежной
Какой-то демон овладел,
И я зловещий мой удел,

Неотразимый, неизбежный,
В дали туманной усмотрел! . .

IV

Не розы светлого Пафо́са,
Не ласки гурий в тишине,
Не искры яхонта в вине,
Но смерть, секира и колеса
Всегда мне грезились во сне!

V

Меня постигла дума эта
И ознакомилась со мной,
Как холод с южною весной,
Или фантазия поэта
С унылой северной луной!

VI

Мои утраченные годы
Текли, как бурные ручьи,
Которых мутные струи
Не серебрят, а пенят воды
На лоне илистой земли.

VII

Они рвались, они бежали
К неверной цели без препон;
Но быстрый бег остановлен,

И мне размах холодной стали
Готовит праведный закон.

VIII

Взойдет она, взойдет, как прежде,
Заутра ранняя звезда, —
Проснется неба красота, —
Но я! .. Я небу и надежде
Скажу: «Простите навсегда!»

IX

Взгляну с улыбкою печальной
На этот мир, на этот дом,
Где я был с счастьем незнаком,
Где я, как факел погребальный,
Горел в безмолвии ночном.

X

Где, может быть, суровой доле
Я чем-то свыше обречен!
Где я страстями заклеймен,
Где чем-то свыше, поневоле,
Я был на время заключен!

XI

Где я... Но что? .. Толпа народа
Уже кипит на площади...
Я слышу: «Узник, выходи!»
Готов — иду! .. Прости, природа!
Палач, на казнь меня веди! ..

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦ

Кто видел образ мертвеца,
Который демонскою силой
Враждуя с темною могилой,
Живет и страждет без конца?
В час полуночи молчаливой,
При свете сумрачной луны,
Из подземельной стороны
Исходит призрак боязливый.
Бледно, как саван гробовой,
Чело отверженца природы,
И неестественной свободы
Ужасен вид полуживой.
Унылый, грустный он блуждает.
Вокруг жилища своего,
И — очарован — за него
Переноситься не дерзает.
Следы минувших, лучших дней
Он видит в мысли быстротечной.
Но мукой тяжкою и вечной
Наказан в ярости своей.
Проклятый небом раздраженным,
Он не приемлется землей,
И овладел мучитель злой
Злодея праха оскверненным.

Вот мой удел! Игра страстей,
Живой стою при дверях гроба,
И скоро, скоро месть и злоба
Навек уснут в душе моей!
Кумиры счастья и свободы
Не существуют для меня, —
И, член ненужный бытия,
Не оскверню собой природы!
Мне мир — пустыня, гроб — чертог,
Сойду в него без сожаленья,
И пусть за миг ожесточенья
Самоубийцу судит бог!

ПРОВИДЕНИЕ

Я погибал...
Мой злобный гений
Торжествовал!..
Отступник мнений
Своих отцов,
Враг угнетений,
Как царь духов,
В душе безбожной
Надежды ложной
Я не питал.
И из Эреба
Мольбы на небо
Не воссылал.
Мольба и вера
Для Люцифера
Не созданы, —
Гордыне смелой
Они смешны.
Злодей созрелый,
В виду смертей
В когтях чертей —
Всегда злодей.
Порабощенье,
Как зло за зло,

Всегда влекло
Ожесточенье.
Окаменен,
Как хладный камень,
Ожесточен,
Как серный пламень,
Я погибал
Без сожалений,
Без утешений...
Мой злобный гений
Торжествовал!
Печать проклятий —
Удел моих
Подземных братий,
Тиранов злых
Себя самих —
Уже клеймилась
В моем челе;
Душа ко мгле
Уже стремилась...
Я был готов
Без тайной власти
Сорвать покров
С моих несчастий.
Последний день
Сверкал мне в очи;
Последней ночи
Встречал я тень, —
И в думе лютой
Все решено;
Еще минута
И... свершено!..

Но вдруг нежданный
Надежды луч,
Как свет багряный,
Блеснул из туч:
Какой-то скрытый,
Но мной забытый
Издавна бог
Из тьмы открытой
Меня извлек!
Рукою сильной
Остов могильный
Вдруг оживил, —
И Каин новый
В душе суровой
Творца почтил.
Непостижимый,
Неотразимый,
Он снова влил
В грудь атеиста
И лжесофиста
Огонь любви!
Он снова дни
Тоски печальной
Озолотил
И озарил
Зарей прощальной!
Гори ж, сияй,
Заря святая!
И догорай,
Не померкая!

РЕНЕГАТ

(Отрывок из поэмы „Гарем“)

Кто любит негу чувств, блаженство
сладострастья
И не парит в края азийские душой?
Кто пылкий юноша, который в мире
счастья
Не жаждет век утратить молодой?
Пусть он летит туда, чалмою крест
обменит,
И населит красой блестящий свой
гарем!
Там жизни радость он познает и оценит,
И снова обретет потерянный Эдем!..
Там пир для чувства и ока!
Красавицы Востока,
Одна другой милей,
Одна другой резвей,
Послушные рабыни,
Умрут с ним каждый миг!
С душой полубогини
В восторгах огневых
Душа его сольется,
Заснет — и вновь проснется,

Чтоб снова утонуть
В пучине наслажденья!
Там пламенная грудь
Манит воображенье;
Там белая рука
Влечет его слегка
И страстно обнимает;
Одна его лобзает,
Горит и изнывает,
Одна ему поет,
И сладостно...
Прелестные подруги,
Воздушны, как зефир,
Порхают, стелют круги,
То вьются, то летят,
То быстро станут в ряд.
Меж тем в дыму кальяна,
На бархате дивана
Влюбленный сибарит
Роскошно возлежит
И, взором пожирая
Движенья гурий рая,
Трепещет и кипит,
И к деве сладострастья,
Залог желанный счастья,
Платок его летит...
О, прочь с груди моей, исчезни, знак священный,
Отцов и дедов древний крест;
Где пышная чалма, где алкоран пророка?
Когда в сады прелестного Востока
Переселюсь от пагубных мне мест?

Что мне закон? Что...
Карателя блаженства моего
Приятней в ад цветущая дорога,
Чем в рай, когда мне жить не должно
для него.
Погибло все! Перуны грома!
Гремите над моей главой!
Очарования Содома,
Я ваш до сени гробовой!..
Но где гарем, но где она,
Моя прекрасная рабыня?
Кто эта юная богиня,
Полунагая, как весна,
Свежа, пленительна, статна,
Резвится в бане ароматной?
На чьи небесные красы
С досадной ревностью власы
Волною падают приятной?
Чья сладострастная нога
В воде играет благовонной
И слишком вольная рука
Шалит над тайной благосклонной?
Кого усердная толпа
Рабынь услужливых лелеет?
Чья кровь горячая замлеет
В объятьях девы огневой?
Кто сей счастливец молодой?
Ах, где я? Что со мною стало?
Она надела покрывало,
Ее ведут — она идет:
Ее любовь на ложе ждет...

Он дышит
На томной груди,
Он слышит
Признанье в любви,
Целует
Блаженство свое,
Милует
И нежит ее,
Ласкает
Невинный цветок,
Срывает
И пьет ее вздох.

Так жрец любви, игра страстей опасных,
Пел наслажденья чуждых стран
И оставлял в мечтаньях сладострастных
Чувств очарованных обман.
Он пел... Души его кумиры
Носились тайно вкруг него.
И в этот миг на все порфиры
Не променял бы он гарема своего.

1829

ЗВЕЗДА

Она взошла, моя звезда,
Моя Венера золотая;
Она блестит, как молодая
В уборе брачном красота!
Пустынник мира безотрадный,
С ее таинственных лучей
Я не свожу моих очей
В тоске мучительной и хладной.
Моей бездейственной души
Не оживляя вдохновеньем,
Она небесным утешеньем
Ее дарит в ночной тиши.
Какой-то силою волшебной
Она влечет меня к себе,
И, перекорствуя судьбе,
Врачует грусть мечтой целебной.
Предавшись ей, я вижу вновь
Мои потерянные годы,
Дни счастья, дружбы и свободы,
И помню первую любовь.

К ДРУЗЬЯМ

Игра военных суматох,
Добыча яростной простуды,
В дыму лучинных облаков,
Среди горшков, бабья, посуды,
Полуразлегшись на доске
Иль на скамье, как вам угодно,
В избе негодной и холодной,
В смертельной скуке и тоске
Пишу к вам, ветреные други!
Пишу — и больше ничего —
И от поэта своего
Прошу не ждать другой услуги.
Я весь — расстройство! .. Я дышу,
Я мыслю, чувствую, пишу,
Расстройством полный; лишь
расстройство
В моем рассудке и уме...
В моем посланьи и письме
Найдете вы лишь беспокойство!
. . . .
. . . .
И этот приступ неприродный
Вас удивит, наверно, вдруг.
Но, не трактуя слишком строго,

Взглянув в себя самих немного,
Мое безумство не виня,
Вы не осудите меня.
Я тот, чем был, чем есть, чем буду,
Не пременюсь, непременим...
Но, ах! когда и где забуду,
Что роком злобным я гоним?
Гоним, убит, хотя отрада
Идет одним со мной путем,
И в небе пасмурном награда
Мне светит радужным лучом.
«Я пережил мои желанья»,
Я должен с Пушкиным сказать:
«Минувших дней очарованья»
Я должен вечно вспоминать.
Часы последних сатурналий,
Пиров, забав и вакханалий,
Когда, когда в красе своей
Изменят памяти моей?
Я очень глуп, как вам угодно,
Но разных прелестей Москвы
Я истребить из головы
Не в силах... Это превосходно!
Я вечно помнить буду рад:
«Люблю я бешеную младость,
И тесноту, и блеск, и радость,
И дам обдуманный наряд».
Моя душа полна мечтаний,
Живу прошедшей суетой,
И ряд несчастий и страданий
Я заменять люблю игрой
Надежды ложной и пустой.

Она мне льстит, как льстит игрушка
Ребенку в праздник годовой,
Или как льстит бостон и мушка
Девице дряхлой и седой, —
Хоть иногда в тоске бессонной,
Или как запах благовонный
Льстит вялым чувствам старика.
Вот все, что гадкими стихами
Поэт успел вам написать,
И за небрежными строками
Блестит безмолвия печать. . .
В моей избе готовят ужин,
Несут огромный чан ухи,
Стол ямщикам голодным нужен . .
Прощайте, други и стихи!
Когда же есть у вас забота
Узнать, когда и где охота
Во мне припала до пера, —
В деревне *Лысая гора.*

НОЧЬ НА КУБАНИ

Весенний вечер на равнины
Кавказа знойного слетел;
Туман медлительный одел
Гор дальних синие вершины.
Как море розовой воды,
Заря слилась на небе чистом
С мерцаньем солнца золотистым,
И гаснет все; и с высоты
Необозримого эфира,
Толпой видений окружен,
На крыльях легкого зефира
Спустился друг природы — сон...

Его влиянию покорный,
Забот и воли мирный сын,
Покой вкушает благотворный
Трудолюбивый селянин.
Богатый духом безмятежным,
Он спит в кругу своей семьи,
Под кровом верным и надежным
Давно испытанной любви.
И счастлив в незавидной доле!

Его всегда лелеют сны:
Он видит вечно луг и поле,
И поцелуй своей жены.
И он — заране утомленный
Слепой фортуной сибарит —
И он от бедного сокрыт
На ложе неги утонченной!
Напрасно голос гробовой
Страданья тяжкого взывает:
Он никогда не возмущает
Его души полуживой!
И пусть таит глухая совесть
Свою докучливую повесть:
Ее ужасно прочитать
Во глубине души убитой!
Ужасно небо призывать
Деснице, кровию облитой!..

Едва заметною грядой —
Громад воздушных ряд зыбучий —
Плывут во тьме седые тучи,
И месяц бледный, молодой,
Закрытый их печальной тканью,
Прорезал дальний горизонт
И над гремучею Кубанью
Глядится в Новый Геллеспонт...
Бывало, бодрый и безмолвный
Казак на пагубные волны
Вперяет взор сторожевой:
Нередко их знакомый ропот
Таил коней татарских топот
Перед тревогой боевой;

Тогда винтовки смертоносной
Нежданный выстрел вылетал —
И хищник смертию поносной
На бреге русском погибал;
Или толпой ожесточенной
Врывались злобные враги
В шатры Защиты изумленной —
И обагряли глубь реки
Горячей кровью казаки.
Но миновало время брани,
Смирился дерзостный джигит,
И редко, редко на Кубани
Свинец убийственный свистит.
Молчаньем мрачным и печальным
Окрестность битв обложена,
И будто миром погребальным
Убита бранная страна...

Все дышит негою прохладной,
Все спит... Но что же сон
отрадный,
В тиши таинственных ночей,
Не посетит моих очей?
Зачем зову его напрасно?
Иль в самом деле так ужасно
Утратить вольность и покой...

Ужель они невозвратимы,
Кумиры юности моей,
И никогда неукротимы
Порывы сильные страстей?..
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
Ах, кто мечте высокой верил,
Кто почитал коварный свет
И на заре весенних лет
Его ничтожество измерил;
Кто погубил, подобно мне,
Свои надежды и желанья;
Пред кем разрушились вполне
Грядущей жизни упованья;
Кто сир и чужд перед людьми,
Кому дадут из сожаленья
Иль ненавистного презренья
Когда-нибудь клочок земли —
Один лишь тот меня оценит,
Моей тоски не обвинив,
Душевным чувствам не изменит
И скажет: «Так, ты несчастлив!»
Как брат к потерянному брату
С улыбкой нежной подойдет,
Слезу страдальную прольет
И разделит мою утрату! . .
. . . .
Лишь он один постигнуть может,
Лишь он один поймет того,
Чье сердце червь могильный гложет
Как пальма в зеркале ручья,
Как тень налетная в лазури,
В нем отразится после бури
Душа унылая моя! . .

Я буду — он, он будет — я,
В одном из нас сольются оба,
И пусть тогда вражда и злоба,
И меч, и заступ гробовой
Гремят над нашей головой! . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Но где же он, воображенье
Очаровавший идеал —
Мое прелестное виденье
Среди пустых, туманных скал?
Подобно грозным исполинам,
Они чернеют по равнинам
В своей бесстрастной красоте;
Лишь иногда на высоте
Или в развалинах кремнистых,
Мелькая парой глаз огнистых
Кабан свирепый пробежит;
Или орлов голодных стая,
С пустынных мест перелетая,
На время сон не возмутит.
А я на камне одиноком,
Рушитель общей тишины,
Сижу в забвении глубоком,
Как дух подземной стороны.
И пронесутся дни и годы
Своей обычной чередой,
Но мне покоя и свободы
Не возвратят они с собой!

КАЗАК

Под Черные горы на злого врага
Отец снаряжает в поход казака.
Убранный заботой седого бойца
Уж трам абазинский стоит у крыльца.
Жена молодая, с поникшей главой,
Приносит супругу доспех боевой,
И он принимает от белой руки
Кинжал Базалая, булат Атаги
И труд Царяграда — ружье и пистоль.[1]
На скатерти белой прощальная соль,
И хлеб, и вино, и Никола святой...
Родителю в ноги... жене молодой —
С таинственной бурей таинственный взор
И брови на шашку — вине приговор,
Последнего слова и ласки огонь!..
И скрылся из виду и всадник и конь!
Счастливый казак!
От вражеских стрел, от меча и огня
Никола хранит казака и коня.
Враги заплатили кровавую дань,
И смолкла на время свирепая брань,

---

[1] На Кавказе между казаков пистолет так всегда называется. (*Прим. авт.*)

И вот полуночною тихой порой
Он крадется к дому глухою тропой,
Он милым готовит внезапный привет,
В душе его мрачного чувствия нет.
Он прямо в светлицу к жене молодой —
И кто же там с нею? .. Казак холостой!
Взирает обманутый муж на жену
И слышит в руке и душе сатану:
«Губи лицемерку — она неверна!»
Но вскоре рассудком изгнан сатана...
Казак изнуренные силы собрал
И, крест сотворивши, Николе сказал:
«Никола, Никола, ты спас от войны,
Почто же не спас от неверной жены?»
Несчастный казак!

Кавказ. 1830

ЭРПЕЛИ

(Воинам Кавказа)

„Evil be to him that evil thinks“[1]

I

Едва под Грозною[2] возник
Эфирный город из палаток
И раздался приветный крик
Учтивых егерских солдаток:
«Вот булки, булки, господа!»
И, чистя ружья на просторе,
Богатыри, забывши горе,
К ним набежали, как вода;
Едва иные на форштадте
Найти успели земляков
И за беседою о свате
Иль о семействе кумовьев,
В сердечном русском восхищеньи
И обоюдном поздравленьи,
Вкусили счастие сполна

---

[1] „Да будет стыдно тому, кто думает об этом плохо“. (*Прим. ред.*)

[2] Крепость. (*Прим. авт.*)

За квартой красного вина;
Едва зацарствовала дружба —
Как вдруг, о тягостная служба!
Приказ по лагерю идет:
Сейчас готовиться в поход.
Как вражья пуля, пролетела
Сия убийственная весть,
И с ленью сильно зашумела
На миг воинственная честь.
«Увы! — твердила лень солдатам, —
И отдохнуть вам не дано;
Вам, точно грешникам проклятым,
Всегда быть в муке суждено!
Давно ль явились из похода,
И снова, батюшки, в поход!
Начальство только для народа
Смышляет труд да перевод;
Пожить бы вам, хотя немного,
Под Грозной крепостью, друзья!
Нет, нет у Розена ни бога,
Ни милосердья, ни меня!
Пойдете вы шататься в горы;
Чеченцы, бестии и воры
Уморят вас без сухарей;
Спросите здешних егерей! . .»
«Молчать, негодная разиня!» —
В ответ презрительно ей честь;
Я — сердца русского богиня
И подавлю пятою лесть. —
Ужель вы, братцы, из отчизны
Сюда спешили для того,
Чтоб после слышать укоризны

От сослуживца своего:
«Они-де там не воевали,
А только спали на печи,
В станицах с девками играли,
Да в селах ели калачи!»
(Не воевали мы, бесспорно —
Есть время спать и воевать.)
Вам был знаком лишь ветер горный,
Теперь пора и горы знать;
Вы целый год здесь ели дули,
Арбузы, тёрн и виноград;
Теперь — прошу — отведай пули,
Кто духом истинный солдат!
Винить начальство грех и глупо:
Оно, ей-ей, умнее нас,
И без причины вместо супа
В котлы не льет гусиный квас.
Идите в горы, будьте рады,
Пора патроны расстрелять,
За храбрость лестные награды
Сочтут за долг вам воздавать;
А егерям прошу не верить,
Хоть лень сослалась на их гурт:
Они привыкли землемерить
Одну дорогу в Старый Юрт».[1]
Так честь солдатам говорила,

---

[1] Старый Юрт — маленькая крепость, в 18 верстах от Грозной. Возле самой крепости протекают между гор ручьи горячих минеральных вод. (*Прим. авт.*)

Паря над лагерем полка,
И день печально и уныло
Ушла, вздохнув издалека.
Внезапно ожили солдаты;
Везде твердят: «В поход, в поход!»
Готовы. «Здравствуйте, ребята!» —
«Желаем здравия!» И вот
Выходят роты. Солнце блещет
На грани ружей и штыков;
Крест на́-грудь — и как море плещет
В рядах походный гул шагов.
Вот Розен!.. Как глава от тела,
Он от дружин не отделен;
Его присутствием несмелый
Казак и воин оживлен!
Его сребристые седины
Приятны старым усачам:
Они являют их глазам
Давно минувшие картины,
Глубоко памятные дни!
Так прежде видели они
Багратионов пред полками,
Когда, готовя смерть и гром,
Они, под русскими орлами,
Шли защищать Романов дом,
Возвысить блеск своей отчизны
Или к бессмертью на пути
Могилу славную найти
Для вечной и бессмертной тризны!
Так прежде сам он был знаком
Седым служителям Беллоны;

Свои надежды, обороны
Они вторично видят в нем.

И полк устроенной громадой
По полю чистому валит,
И ветер свежею отрадой
Здоровых путников дарит.
Все живо: здесь неугомонный
Гремит по воле барабан;
Там хоры песни монотонной:
«Пал на сине море туман!»
Здесь «Здравствуй, милая», с скачками
Передового плясуна;
Веселый смех между рядами
И без запрету тишина;
Глубокомыслящие Канты
И на черкесских жеребцах —
В доспехах горских адъютанты,
Крутя столбом летучий прах,
Сверкают, вьются пред глазами.
День вечереет; за горой
С полублестящими лучами
Исчез бог света золотой.
Луна серебряной лампадой
Виднеет в небе голубом;
Заря вечерняя прохладой
Приятно веет над полком.
Вперед, вперед — еще немного,
Близка до станции дорога!
Вот ручеек горячих вод. . .
Отбой! . . Окончен переход! . .

II

Кто любит дикие картины
В их первобытной наготе,
Ручьи, леса, холмы, долины,
В нагой природы красоте;
Кого пленяет дух свободы,
В Европе вышедшей из моды
Назад тому немного лет, —
Того прошу, когда угодно,
Оставить университет
И в амуниции походной
Итти за мной тихонько вслед.
Я покажу ему на свете
Таких вещей оригинал,
Которых, верно, в кабинете
Он на ландкартах не видал,
А шедши фронтом, на походе
Увидит их по сторонам,
Как у себя на огороде
Чеснок и редьку по грядам.
Я покажу ему с улыбкой
На степи верст по пятисот,
На коих изредка ошибкой
Ковыль с мордвинником растет,
И, расстилаясь в день румяный,
Цветник сей длинной полосой
Блестит, как океан багряный,
Своей колючею красой.
Я покажу ему титана,
Который сед и стар, как бес,
В огромной области тумана

Всегда в войне против небес.
Из ребр его окаменелых,
Мильоном волн оледенелых
Шумят, и летом и зимой,
Ручьи с свирепой быстротой.
Напрасно жар полдневный пышет,
Сразясь с тройным его венком,
Сердит и пасмурен, он дышит
Одними вьюгами и льдом.
Кругом, от моря и до моря,
Хребты гранита и снегов,
Как Эльборус, с природой споря,
Стоят от бытности веков;
И неприступная сияет
Из облаков их высота;
Туда лишь дерзкая мечта
С царем пернатых долетает.
Потом, направивши слегка
Полет и взору и надежде,
Я б показал сему невежде
Крутые горы из песка,
Которых около Валдая,
Раз десять в Питер проезжая,
Заметить, верно, он не мог.
А что́ за вид, какой песок!
Куда ваш славный Воробьевский!..
Какой-нибудь писец московский
Не только б в думе пожалел
Засыпать им свой бред плутовский,
Но, право б, горсть тихонько съел!
Потом, пришедши с ним на берег,
Я б показал ему Судак,

Лихую Сунжу или Терек.
Не утерпел бы он никак,
Чтобы не вскрикнуть: что такое,
Вода иль грязные помои? [1]
В ответ: «Помилуйте, вода, —
Сказал бы я ему невинно, —
Попробуйте, она чиста,
Как в Яузе или Неглинной!»
Потом любезному дружку
Я показал бы лес фруктовый,
В котором с девушкой суровой
Сойтись опасно пастушку,
Затем, что слишком мал в округе:
Верст десять только есть к услуге,
Да и довольно некрасив:
Из грушей, персиков и слив!
Спросил бы я его учтиво:
Давно ль он прибыл из столиц?
Едят ли там в июне сливы
Без покровительства теплиц?
На все вопросы таковые,
Глазища выпуча большие,
Стоял бы он передо мной,
Как Сивка-Бурка пред Бовой,
Или как лист перед травой:
А я, в досужий час, от скуки,
В Костеках или Ташкичу,
Его ударя по плечу

---

[1] Все реки на Кавказе чрезвычайно быстры и мутны. (*Прим. авт.*)

И взявши дружески за руки,
Зашел бы с ним на буерак
И, севши рядом, начал так:
«Мой милый! очень натурально
Вам всем, столичным петушкам.
Из залы вышед танцовальной,
Дивиться здешним чудесам.
Вам все здесь ново, все забавно,
Я очень верю, потому
Что я и сам еще недавно
Облекся в ратную суму.
И я, мой друг, в былые годы
Ходил во фраках, да каких —
Последней, самой лучшей моды.
Короткофалдых, обрезных!
Штаны на мне, я помню живо,
Любил носить я широко
Из казимира и трико,
Внизу с чешуйкою красивой.
А сапоги, ты, верно, знал
Все магазины по бульвару,
Мне немец Хейн всегда шивал
По тридцати рублей за пару,
На вес пять-шесть золотников.
Вот был недавно я каков!
Так обратимся мы к предмету:
Я думал так же, как и ты,
Готов был целый век по свету
Искать чудес и красоты
В природе мудрой и премудрой,
Как нам твердит ученый хор,
И восхищался до тех пор,

Пока, мне кажется, за вздор
Меня распудрили не пудрой.
Как, может, ты предполагал,
. . . .
. . . . и что же?
Прошу пройтиться на Кавказ!
С какою, думаешь, ты, рожей
Узнал я новый сей приказ?
Не восхищался ли, как прежде,
Одним названием Кавказ?
Не дал ли крылышек надежде
За чертовщиною лететь,
Как то: черкешенок смотреть,
Пленяться день и ночь горами,
О коих с многими глупцами
По географии я знал,
Эльбрусом, борзыми конями,
Которых Пушкин описал,
И прочая... Ах, нет, мой милый!
Я вспомнил то, кем прежде был,
Во что господь преобразил,
И с миной кислой и унылой
И нос и уши опустил!
Пришед сюда, я взором диким
Окинул все, что прежде мне
Казалось чудным и великим —
И всем скучал наедине,
В шуму пиров и тишине!
Вот эти дивные картины:
Каскады, горы и стремнины...
С окаменелою душой,

Убитый горестною долей,
На них смотрю я поневоле,
И верь мне: вижу из всего
Уродство — больше ничего!
Быть может, друг мой (почему ж
Не быть подобному с тобой?),
Поссорясь с ветреной судьбой,
Ты сам наденешь фрак поуже
Или две капли так, как мой,
Тогда судить умнее станешь,
Навек поклонишься мечтам
И удивляться перестанешь
Кавказа вздорным чудесам».

III

Меж тем уходит день за днем
Неизменяемым порядком;
Жары над странственным полком
Сменяет ночь в молчаньи кратком;
За переходом переход:
Степьми, аулами, горами,
Московцы, дружными рядами,
Идут послушно, без забот.
Куда? Зачем? в огонь иль в воду?
Им все равно: они идут,
В ладьях по Тереку плывут,
По быстрой Сунже ищут броду;
Разносит ветер вдоль реки
С толпами ратных челноки;
Бросает Сунжа вверх ногами

Героев с храбрыми сердцами; [1]
Их мочит дождь, их сушит пыль...
Идут — и живы, слава богу!
Друзья, поверьте, это быль!
Я сам, что делать, понемногу
Узнал походную тревогу,
И кто, что̀ хочет, говори,
А я, как демон безобразный,
В поту, усталый и в пыли,
Мочил нередко сухари
В воде болотистой и грязной
И, помолившися потом,
На камне спал спокойным сном!..
А вы, бифштексы и котлеты,
Домашней кухни суета,
Какие лестные приветы
Я вам выдумывал тогда!
С каким живым воспоминаньем,
С каким чудесным обоняньем
Перед собой воображал!
Я вас, не резавши, глотал
Без огурцов и кресс-салата...
А на поверку, наконец,
Увы, хоть съел бы огурец,
Да нет их в ранце у солдата!
. . . .
. . . .

[1] Сунжа в самых мелких местах так быстра, что невозможно сильному человеку ступить шагу, не подавшись в сторону. Большая часть солдат переходила ее, держась между собою за руки, а некоторые падали с ружьями. (*Прим. авт.*)

Уже осталося за нами
Довольно русских крепостей,
В которых рядом с кунаками
Живут семейства егерей,
Или, скажу яснее, роты
Линейной егерской пехоты
Из сорок третьего полка.
Уж наши воины слегка
Болтать учились по-чеченски,
Как встарь учились по-немецки,
И восхищались от души
(Таков обычай русской рати),
Когда случалося им кстати
Сказать: «яман» или «якши».
Уже тарутинцы успели
Подробно нашим рассказать,
Притом прибавить и прилгать,
Как в Турции они терпели
От пуль и ядер, и чумы,
Как воевали под Аджаром,
И, быль украшивая с жаром,
Пленяли пылкие умы,
Всегда лежавшие на печке...
Мы, в разговоре деловом
Прошедши вброд еще две речки,
К *Внезапной* крепости тишком
Пришли внезапно вечерком...
Вот здесь — и точка с запятою...
Я должен тон переменить
И, как поэт отважный, вдвое
Серьезней дело пояснить.
Итак, принявши тон серьезный,

Скажу вам так: когда из Грозной
Пошли мы, грешные, в поход,
То и не думали, не знали,
Куда судьба нас заведет.
Иные с клятвой утверждали,
Что мы идем на смертный бой
В аул чеченский, не мирной;
Другие впятеро умнее
И на сужденье поскромнее,
Шептали всем, понизя тон,
Что наш второй баталион
Был за Андреевской нещадно
Толпою горцев окружен.
Все пели складно, да не ладно;
Один поход мог доказать,
Как хорошо умеют врать.
Замечу здесь: все офицеры,
Конечно, знали наперед
Вернее, нежель мушкатеры,
Куда судьба их заведет;
Но знали так, как думать должно,
Не для других, а для себя,
Итак, рассказов не любя,
Хранили тайну осторожно.
Теперь, к *Внезапной* подходя,
Засуетились все безбожно:
«Да где ж второй наш батальон?
Ведь, говорят, в осаде он». —
«Э, вздор! Налгали об осаде:
Он здесь с бутырцами стоит;
Смотрите, ежели в параде
Он нас принять не поспешит». —

«Да, если здесь, то, верно, выйдет...»
Идет наш первый батальон —
И что же? Место только видит,
Где был второй... «Да где же
он?» —
Один другого вопрошает.
А тот в ответ ему: «Бог знает!»
Меж тем и спать уже пора...
Как раз раскинули палатки
И разрешение загадки
Все отложили до утра.

IV

Вали [1] бессменный Дагестана
И русской службы генерал,
В Тарках, без трона и дивана,
Сидел владетельный шамхал.
Ему подвластные могоги
В папахах, [2] с трубками в руках,
Сложив крестом смиренно ноги,
Сидели также на коврах.
Как одурелые французы
От русской пули и штыков,
Они внутри своих лесов
Покойно сеяли арбузы,
Пшеницу, просо и саман, [3]

---

[1] Один из титулов шамхала. (*Прим. авт.*)
[2] Персидская шапка. (*Прим. авт.*)
[3] Персидский табак. (*Прим. авт.*)

В душе, быть может, персиян
И турок нам предпочитали,
Но между тем, боясь плетей,
Без отговорок и затей,
Уставы наши принимали,
Склонясь покорною главой
Перед десницей громовой.
Враги порядка и покоя,
Они, подчас от злобы воя,
Точили шашки на кремнях;
Но грохот пушки на горах,
Вослед словесных увещаний,
Всегда и быстро укрощал
Тревоги буйственных собраний
И мир в аулах водворял.
Так их смирял Ермолов славный,
Так на равнинах Эрпели
Они позор свой погребли,
Вступивши с Граббе в бой
неравный.
С тех пор устроенной толпой,
Смиряя пыл мятежной страсти,
Они, под кровом русской власти
Узнали счастье и покой.
Последний луч надежды темной
Бросал в разбойничий аул
Глава Востока — Истамбул.
Но, сокрушив кумир огромный
И льва тавризского связав,
С брегов Аракса до Кубани,
Могучий росс, питомец брани,
Лишил злодеев тщетных прав.

Закоренелые невежды,
От черных гор до снеговых,
С потерей слабой их надежды
Вписались все в число мирных.
Какой-нибудь Самсон презренный
Или преступный Каплунов,[1]
Спасаясь казни заслуженной,
Тревожат мир ночных воров
И, потаенными стезями,
С мирными, добрыми друзьями
Из гор являются врасплох
Перед стадами земляков.
Но правосудный меч в размахе
Висит на нити роковой,
И рано ль, поздно ль головой,
В оцепенении и страхе,
Злодеи дань позорной плахе
Заплатят жалкой чередой.
Итак, кавказские герои
В косматых шапках и плащах,
Оставя нехотя в горах
Набеги, кражи и разбои,
Свою насильственную лень
Трудом домашним заменили,
И кукурузу и ячмень
С успехом чудным разводили.
Как вдруг, в один погодный день,
На зло внезапное и горе,

[1] Беглые русские солдаты, проживающие у горских разбойников, известные своею отважностью и ненавистью к соотечественникам. (*Прим. авт.*)

Из моря или из-за моря,
О том безмолвствует толпа,
У них явился гость отменный,
Какой-то гений исступленный,
Пророк и поп *Кази-Мулла.*
Как муж, ниспосланный от бога
Для наставленья мусульман,
Нося открытый алкоран,
Он вопиял сначала строго
На тьмы пророков и грехов
Своих почтенных земляков;
Стращал их пагубною бритвой,
Которой к раю на пути,
Запасшись доброю молитвой,
Должны их души перейти
Иль, отягченные грехами,
Упасть на огненное дно,
Где нечестивым суждено
Жить в вечной каторге с чертями.
«О, горе нам, Алла, Алла! —
Черкесы [1] вторят с умиленьем, —
Велик и прав святой мулла.
С ужасной бритвой и мученьем!»
И он, усами шевеля,
Как голова на сходе шумном,
И знаком вопли прекратя,
Вещал в пророчестве безумном:
«Откройте сонные глаза,
Развесьте уши, все народы!

---

[1] Здесь, очевидно, ошибка: речь идет о чеченцах. (*Прим. ред.*)

Грядут со мною чудеса
И воскресение свободы!
Определения судьбы
Готовят вам иную долю:
Исчезнет Русь, конец борьбы —
Вы возвратите вашу волю!
Жив бог, а я — его пророк!
Его уста во мне вещают;
В моей деснице пребывают
И жизнь, и смерть, и самый рок!
Как дождь нежданный и обильный,
Мы ополчимся на врагов,
Прогоним их рукою сильной
С анапских пашен и лугов,
С холмов роскошных Дагестана,
И ненавистного тирана
Свободных гор, без оборон,
Обратно вытесним за Дон!
О, верьте! крепости, станицы
И села русских — прах и тлен;
Их дети, жены и девицы
Узнают гибель, месть и плен,
И населят леса и степи,
У нас отнятые войной,
И только с смертию земной
Спадут с них тягостные цепи!»
И раздались и вопль и стон:
«Исчезни Русь — ступай за Дон!»
Смутились буйственные горы;
В мятежных сонмах, в тишине,
Везде идут переговоры
Об удивительной войне.

Везде мулла благовествует:
Он — им посланник от небес;
Нигде ни шагу без чудес:
Там он покойно марширует,
Босой, все видят, по реке;
Там улетает налегке
К седьмому небу из аула;
Там обращает кошку в мула,
А здесь забавной чередой
Переменяет вид природный
И перед вами, как угодно,
Без бороды и с бородой.
В один и тот же миг нежданный
Изволит быть в пяти местах; [1]
Короче: поп довольно странный,
Хотя б и в русских деревнях...
Что делать? Шутка не до смеха!
Пошла ужасная потеха.
Черкес мирно́й и немирно́й —
Все бредят мыслию одной:
Скорей исполнить предсказанье —
Закон докучный истребить
И Русь святую на изгнанье,
За Дон широкий, осудить.
Иные, кое-где, от скуки,
Уже сбирались по ночам;
Но им, как дерзким шалунам,
Веревкой связывали руки;

---

[1] Ничего вымышленного: верный отголосок молвы горцев о чудесах новоявленного пророка (*Прим. авт.*)

Другие, несколько умней,
С мирского, общего совета
Держались неутралитета
И ожидали лучших дней.
Но больше всех, как якобинцы,
Взбесились жители земли
Под управлением вали —
Неугомонные тавлинцы,
За ними вслед койсубулинцы.
Шамхал, заботливый старик,
Кричал о казни громогласно,
Но беспокоился напрасно,
И бунт торжественно возник...
Читатель, ежели ты с рода
Хотя две книги прочитал,
То непременно угадал
Причину нашего похода.
Что будет далее, прошу
Меня не спрашивать заране:
Ты не останешься в обмане:
Я все подробно опишу.

V

Когда, по высшему веленью,
Уничтожались иногда
С лица земного города,
То мудрено ль землетрясенью, —
Хочу я физиков спросить, —
Аул кумыков навестить,
Разрушить две иль три мечети,
В которых набожно с муллой

Молились девы, старцы, дети
Перед невидимым Аллой —
И вдруг с глухим подземным гулом,
Под грудой камней и столпов,
Прешли в обители отцов?
Вот быль с Андреевским аулом:
Шесть суток гром по временам,
Из тьмы кромешной, по горам
Носился тихо и протяжно,
Потом решительно и важно
Во всех местах загрохотал,
Дома и сакли разметал,
Испортил в крепости строенья,
Казармы, стены, укрепленья —
И... очень скромно замолчал...
Сего печального явленья
Мы не застали, но следам
Еще живого разрушенья
Дивились с горестию там.
Все было дико и уныло,
Все душу странника в тоску
И грусть немую приводило.
Громады камней и песку,
Колонн разбитых пирамиды,
Степные, пасмурные виды,
Туман волнистый над горой,
Кустарник голый, и порой
Как будто мертвое молчанье...
Два дня томилось ожиданье:
Когда ж итти на явный бой,
Алкая смерти благородной?
Раздался снова шум походный —

И полк дружиной боевой
Идет дорогою степной.
Все те же холмы, горы, реки,
Все те же ветры и жары,
Сырые, вредные пары
И кукурузные чуреки,[1]
Все те же змеи по полям,
Вода с землею пополам,
Кизиль неспелый, розан дикий,
Черешня с луком и клубникой,
Чеснок, коренья всех родов
И сыр из козьих творогов...
Идут... Седая пыль столбами
Летит вослед за казаками;
Мирные всадники толпой
Покойно едут стороной;
Мешаясь с ними, офицеры
Заводят речи — на словах
И пантомимой — о конях,
Кинжалах, шашках; канонеры
За путевым экипажем
Идут с зажженным фитилем;
Джигиты бешеные скачут;
Трещат колеса по кремням;
Арбы немазанные плачут;
Везде и крик, и шум, и гам.
Там с крутизны несется фура;

---

[1] Горцы вообще не имеют хлеба, а заменяют его чуреками—лепешками, печенными в золе, из проса, пшена или кукурузы. (*Прим. авт.*)

Там, между узких дефилей,
Впрягают новых лошадей...
Но вот аул Темир-Хан-Шура
Мелькнул за речкою вдали;
Вот ближе, ближе... Перед нами...
Прошли — привал!.. И за стенами
На отдых воины легли.
Вода кипит, огонь пылает;
Быки в котлах, готов обед;
Здоровы все, усталых нет!
Вдруг шум внезапный прерывает
Воинский добрый аппетит.
Глядим... Какой чудесный вид!
Из-за горы необозримой,
Необозримою толпой,
Покорной, тихою стопой
Идет народ непокоримый.
Потупя взоры, в тишине,
Как очарованы во сне,
Питомцы яростные брани;
Обезоружены их длани;
Ни пистолет, ни ятаган
Не красят пышного наряда;
Вся их одежда, вся ограда
Перед начальником отряда —
Их предводитель — Сулейман.
Печален, бледен, сын шамхала,
Склоня колена и главу,
Почтил безмолвно генерала.
Ковер раскинут на траву,
И, может быть, в виду народа,
За кратким отдыхом похода,

Судьба пришельцев решена!
Паше бумага подана...
Он пишет... кончил. С уваженьем
Вторично голову склоня,
Садится с ловким небреженьем
На подведенного коня.
Народ, князья, все равным кругом
Его обстали... На коней
Взлетают все... Быстрей, быстрей
Обратно скачут друг за другом
И, то являясь на горе,
То исчезая за горою,
Как свет на утренней заре
В борьбе с туманной пеленою,
Иль при волшебном фонаре
Рои китайских легких теней,
Они сокрылись... Для чего,
Откуда, как и отчего?
Не предложу моих суждений,
Не объясню вам ничего
Затем, что знаю очень мало,
Что знаю мало, не скажу,
А лучше место покажу,
Где всякой тайны покрывало
Всегда прозрачно и светло,
Как изумруд или стекло.
Вот это место дорогое:
Оно на кухне у котлов.
Там все премудрое земное;
Там ежедневно от голов
Веселых, добрых, беззаботных
И завсегда словоохотных,

Легко вы можете узнать
Такие вещи в белом свете,
О коих, даже в кабинете,
Не часто смеют рассуждать.
Там все подробно вам докажут,
И в заключение того
С божбой анафемскою скажут,
Что этот слух от самого
Кузьмы Савельича Скотова.
«Коль скоро так, тогда ни слова, —
Все закричат, разиня рот, —
Кузьма Савельич не соврет».
А кто он? спросите вы кстати.
Да генеральский человек...
Ужели то вам невдомек?
Таков обычай русской рати.
Прошу пожаловать за мной
К котлам... поближе... так...
садитесь...
Вот ложка вам, перекреститесь...
Бульон здоровый и мясной..
Чу!.. О тавлинцах разговоры.

Кашевар 1-й

Да, да, естественные воры!
Коль наших нет, так берегись,
Башку сорвут, как звери злые;
Отрядом только покажись —
И все приятели мирные.

Кашевар 2-й

Весь в красном, сколько серебра
На шароварах и бешмете.

Кашевар 1-й

Как не иметь ему добра,
Порезав нас, на белом свете?

Мушкатер
(раскуривая трубку)

Сперва словами улещал,
Что бунтоваться уж не станет,
А позже клятву написал.

Голосов 10

Небось!.. Московских не обманет!..

Кашевар 1-й

Я, говорит он, воевать
С царем российским не намерен,
А чтоб он был во мне уверен,
Готов ему присягу дать,
И серебра, и много злата.
А есть в горах у нас два брата,
Которых трусит весь Кавказ, —
Они воюют против вас.

Кашевар 2-й
(из-за котла)

Уймем не этаких нахалов.

Кашевар 1-й

А я, дескать, Мирза Шамхалов —
Ваш вечный данник и слуга!

Мушкатер

Забудет гневаться... Ага!..
А сколько верст еще до места?

Кашевар 1-й

Да что? С хорошего присеста
Часа в четыре мы дойдем...

Кашевар 2-й

И всех их завтра перебьем!
Да, если б что-нибудь под руку
Случилось, братцы, мне поймать,
Уж то-то б стал я разгонять
На кухне тягостную муку,
Всегда б был навеселе, пьян!

Кашевар 1-й

Гей, вы, вставайте, барабан!..

Котлы, котлы! Как сходны вы
С столами светских сибаритов,
Где пресыщаются умы,
За недостатком аппетитов,
Болтаньем сплетницы-молвы!
А вы, одутливые бары,
Среди поклонников своих —
Желудков тощих и пустых, —
Вы, в полном смысле, кашевары!

VI

Вот наконец мы и пришли
Под знаменитый Эрпели!
В пяти частях моих записок,
Представя вкратце весь поход,

Я должен здесь, как Вальтер Скотт
Или Байрóн, представить список
С живых, разительных картин
Вам, мой любезный господин,
Иль вам, почтеннейшая дама
(Которым, вместо порошков,
Смекнула ласковая мама
Поднесть тетрадь моих стихов).
Рецепт действительный, не спорю,
Но, к моему большому горю,
Я должен правду вам сказать,
Что не умею рисовать.
Учился прежде у Визара
Чертить контуры рук и ног,
Но смелой живописи дара
Понять, как Иогеля урок,
Подобно Уткину, не мог.
Простите ж мне мое незнанье —
Ему взамену есть старанье;
Мой безыскусный карандаш
Так точно верен без поверки,
Как на устах у лицемерки
Всегда готовый «Отче наш».
Картина первая; на ровном
Пространстве илистой земли
Стоит в величии огромном
Аул тавлинцев — Эрпелй.
Обломки скал и гор кремнистых —
Его фундамент вековой;
Аллеи тополей тенистых —
Краса громады строевой.
Везде — блуждающие взоры

Встречают сакли и заборы,
Плетни и валы; каждый дом —
Бойница с насыпью и рвом,
Над разорвавшейся рекою,
Бегущей с горной высоты,
Искусства чудного рукою
Везде устроены мосты;
Водовороты, переходы,
Каскады, мельницы, отводы —
Все дышит резкой наготой
Природы дикой и простой...
В ауле шум и конский топот.
Молчанье жен и детский хохот;
На кровлях, в окнах, у ворот
Кипящий ветреный народ,
Богато убранный, одетый,
Как кизильбаши персиян;
Там — атаманский ятаган;
Там ружья, сабли, пистолеты
Блестят, сверкают серебром
В своем наряде боевом;
Здесь — коней странные приборы:
Луки, уздечки, стремена;
Бород раскрашенных узоры,
Куски материй, полотна,
Едва скрывающие плечи
Седых, запачканных старух,
И лай собак на русский дух,
И крик, и визг, и сцены встречи,
И говор воли, и ветра гул —
Вот скопированный аул!..
Идем — и вид другой картины:

Среди возвышенной равнины,
Загроможденной с двух сторон
Пирамидальными горами,
Объявших гордыми главами
С начала мира небосклон,
Разбиты белые палатки...
Быть может, прежние догадки
Теперь решились: это он —
Второй наш добрый батальон!
Так, он — свободный, незапертый,
Как утверждали мы сперва.
Но вот еще здесь лагерь! .. два! ..
И три! .. Наш будет уж четвертый...
Идет все далее отряд...
Вот эполеты забелели...
Бутырцы красные блестят...
«Московцы!» — странно говорят...

. . . .

«Какой же, братцы, это полк?» —
«Куринский!» — Некто отвечает.

. . . .

И начался тихонько толк!
Меж тем особу генерала
Два сына старого шамхала,
Со свитой пышною князей
И благородных узденей,
С благоговеньем окружали
И на челе его читали
И мир и грозный приговор —
Великой правды договор.
Поборник древней русской славы,
Как полководец величавый,

Он привлекал к себе сердца;
В нем зрели с чувством удивленья
Два неразрывные стремленья:
И властелина и отца.
Что мыслил он? Что отражалось
Во глубине его души?..
Не смеем знать... Нам оставалось
Молить всевышнего в тиши;
О чем молить — другая тайна:
Ее постигнуть может тот,
Кто духом истый патриот —
Для злых она необычайна.
О Эрпелúй, о Эрпелúй!
И ты уроком для земли!
И ты, быть может, для поэта
В другие дни, в другие лета
Послужишь пищею живой.
Ты воскресишь воспоминанье
О бурях сердца, о страданьи
Души, волнуемой тоской,
Под игом страсти роковой!
Быть может, ежели холера
Меня в червя не обратит,
Походный грифель мушкатера
В карманной книжке сохранит
Твои леса, ручьи и горы,
И друга искреннего взоры
Прельстятся с правнуком моим
Изображением твоим.
Я расскажу им в час досужий
Об эрпелийской красоте
И эпизод довольно нужный

Не пропущу о баранте,
Кафир-Кумыке, Казанищах,
Где был второй наш батальон,
И о любезнейших дружищах,
Которым все поведал он,
Под сенью мирных балаганов,
Плененье горских пастухов
Со многим множеством баранов
И полновесных курдюков...
Тьмы разных случаев, тревоги
И приключения в дороге...
Все эти песни хороши;
Но вот что в голову мне входит:
Подчас за разум ум заходит,
А я теперь хоть не пиши,
Заняться вздумал я мечтою
Нелепой, странной и пустою,
О счастьи будущих времен,
А настоящие оставил
Тогда, как первый батальон
Еще палаток не поставил.
Итак, моя галиматья,
Adieu, до будущего дня!

VII

Не зная исстари властей,
Повиновенья и князей,
Вина мятежных покушений,
Бунтов и общего вреда —
В кругу шамхаловых владений
Гнездилась дикая орда.

На дне вертепов неприступных,
Таясь, как новый сатана,
Таить не думала она
Надежд и замыслов преступных.
Взирала гордо на позор
Бунтовщиков окружных гор,
Смирённых вдруг единым словом,
И, ненавидя мир и дань,
В ожесточении суровом
Она готовилась на брань.
Ни жребий явный истребленья,
Ни меры кроткие главы
Победных войск и ополченья
В виду защитной их горы,
Ни увещания тавлинцев
. . . .
Не укротили роковой.
Отважной бунт койсубулинцев.
С вершин утесов на отряд
Они смеются беззаботно,
Готовят пули и охотно
Кинжалы длинные острят.
Ни путь широкий, ни тропины
На их высокие стремнины
Стопы пришельцев не ведут.
Пред любопытными очами
Стоит с гранитными стенами
Природной крепости редут,
Недосягаемый, огромной.
И за оградой вековой
В хаосе пропасти бездонной,
Как тартар буйный и живой,

Кипят свободные аулы...
Кто видел легкие черты
С картины адской суеты
В заводах Брянска или Тулы,
Где неумолчной чередой
Гудят и стонут над водой
Железо, медь, чугун и камень;
Где угли, искры, жар и пламень
Блестят, сверкают и шумят;
Где гвозди, молоты, машины
И рук искусственных пружины
В насильном действии звучат
И поражают удивленьем
И свежий слух и свежий взор, —
Того незначащим сравненьем
Знакомлю с видом этих гор.
Дыша слепым ожесточеньем,
Там все кипит вооруженьем:
Как муравьиные рои,
Мелькают всадники и кони;
Куют джелоны, сбруи, брони,
Чеканят ружьи, лезвии,
Везде разъезды, шум и топот;
В глухой дали отзывный грохот,
Огни, пальба, воинский крик
И в кольцах грудь — на русский штык.
Они не знают нашей встречи;
Им не знаком открытый бой;
Питомцы наглых битв и сечи,
Они не зрели над собой
Свистящих ядер и картечи.

Но рати северной приход
Даст брани новый оборот!
. . . .
. . . .
В восьми верстах
От гордой вражьей цитадели,
Среди равнины на холмах,
Шатры отряда забелели.
Здесь видим дружные полки
С брегов Москвы благословенной;
А там — граненые штыки
Пехоты русской отдаленной,
Из заграничных городов,
Всегда готовые на зов
Царя, начальников и чести;
Там гибель верная врагов,
Алкая крови, бед и мести,
Стоит ватага казаков;
А там за лагерем походным
Ибрагим-Бек и Ахмет-Хан,
Князья от крови мусульман,
Пылая рвеньем благородным,
Из разных стран под Эрпелй
Свои дружины привели.
У них кумыки и тавлинцы
С свинцом и сталью на конях,
И с ятаганами в боях
Пехота горцев — михтулинцы.
У вод холодного ручья
Аул летучий их мятется,
И знамя розовое вьется
Над белой ставкою вождя.

Все ждут решительной осады,
Все ждут и смерти и награды...
И вот на утренней заре
Отрядом легким батальоны
С весельем двинулись к горе.
Пути не видно... нет препоны!
Война и слава не без слуг:
С подошвы горной сотни рук
Взрывают новую дорогу...
Идут и роют... Впереди
Зияют пушки роковые,
Внутри рядов и позади
Кинжалы, ружья боевые
И беспардонные штыки!
Вот пуля свищет, вот другая...
Идут!.. Вот залп из-за кремней
Раздался, сверху пролетая!
Идут, работают смелей!..
Уж высоко! Туман нагорный
Густеет, скрыл средину гор;
Темнеет день, слабеет взор, —
Идут отважно и упорно.
Внезапный холод, ветер, дождь
Приводят в трепет нестерпимый, —
Идут стеной неотразимой!
Среди их друг и бодрый вождь!
Вот солнце яркими лучами
Блеснуло вновь. Туман исчез...
Они вверху — и пред глазами,
С огромной массою небес,
Как в неразрывной, длинной цепи,
Слились, казалось, горы, степи,

Холмы, долины. Целый мир
Представил чувствам дивный пир...
Безмолвно воины взирают
На точку светлую земли;
Едва заметные, мелькают
Под ними стан и Эрпелй.
Вдали, под крепостию *Бурной*,
Синеет моря блеск лазурный,
Ландшафт несвязный дальних стран,
И вкруг воздушный океан...
Поражены недоуменьем,
Они бросают мутный взор
Во глубину ужасных гор,
Глядят... и с робостным движеньем
От поразительных картин
Отряд отхлынул от стремнин!
Там — света нового пространства,
Мифологическое царство
Подземных теней и духов;
Там — елисейские долины,
О коих исстари веков
Не знают русские дружины,
Цветут средь рощей и дубров;
Там — по гранитам зеленели
Кедровник, пихта, ольха, ели;
Там, роя камни и песок,
Сулак, как мелкий ручеек,
Бежал извилистой струею;
А там — огромной полосою
Вдали тянулись над водой
Скалы безбрежною грядой;
А тридцать шесть аулов бранных,

Покрытых мрачной тишиной,
Как сонмы демонов изгнанных,
В тени чернели рассыпной.
Глаза, очки, лорнеты, трубы,
Носы, фуражки, уши, губы —
Все устремилось с высоты
В страну ужасной красоты.
Глядели, думали, дивились,
Кричали, ахали, крестились
И, изумленные, сошли
С полнеба к жителям земли...
Насилу кончил! Слава богу!
Устал! Позвольте замолчать...
Прорыв на первый раз дорогу,
Поэму буду продолжать.
Всего мучительней на свете
Серьезный выдержать рассказ,
А я, имейте на примете,
Перо туплю не на заказ,
Без подлой лести и прикрас.
Не знаю, строгая цензура
Меня осудит или нет;
Но все равно — я не поэт,
А лишь его карикатура.

VIII

«Ну, ну, рассказчик наш
забавный, —
Твердят мне десять голосов, —
Поведай нам о битве славной
Твоих героев и врагов!

Как ваше дело под горою?» —
«Готов! Согласен я, пора!
Итак, торжественно со мною
Кричите, милые: ура!» —
«Ба! и сраженье и победа,
Как после сытного обеда
Десерт и кофе у друзей!
Так скоро?» — «Ровно в десять
дней
Покорность, мир и аманаты —
И снова в Грозную поход!» —
«Какой решительный расчет,
Какие русские солдаты!
Но как, и что, и почему?»
Вот объяснение всему:
Койсубулинская гордыня
Гремела дерзко по горам;
Когда ж доступна стала нам
Их недоступная твердыня
Посредством пушек и дорог
(Чего всегда избави бог),
Когда злодеи ежедневно,
Как стаи лютые волков,
На нас смотрели очень гневно
Из-за утесов и кустов,
А мы, бестрепетною стражей,
Меж тем работы берегли
И, приучаясь к пуле вражьей,
Помалу вверх покойно шли,
И скоро блоки и машины
Готовы были навестить
Их безобразные вершины,

Чтоб бомбой крепость осветить, —
Тогда военную кичливость
У них рассудок усмирил,
И непробудную сонливость
Бессонный ужас заменил.
Сначала бодрые джигиты,
Алкая стычек и борьбы,
Они для варварской пальбы
Из-под разбойничьей защиты
Приготовляли по ночам
Плетни с землею пополам,
Дерев огромные обломки,
И, давши залп оттуда громкий,
Смеялись нагло русакам,
Стращали издали ножами
С приветом: *«яур»* и *«яман»*
И исчезали, как туман,
За неизвестными холмами;
Но после, видя жалкий бред
В своем бессмысленном расчете,
Они от явных зол и бед
Все были в тягостной заботе.
Едва зари вечерней тень
Прогонит с гор веселый день
И ляжет сумрак над полями —
Никем не зримыми толпами,
В ночном безмолвии они
Разводят яркие огни,
Сидят уныло над скалами
И озирают русский стан,
Который, грозный, величавый
И озарен луной кровавой,

Лежит, как белый великан.
С рассветом дня опять в движеньи
Неугомонная орда:
Отрядов сменных суета
И новых пушек появленье
Своей обычной чередой —
Все угрожает им бедой,
Неотразимою осадой!
Невольный страх сковал умы
Детей отчаянья и тьмы
За их надежною оградой...
И близок час, готов удар!
Кипит в солдатах бранный жар!
Полки волнуются, как море.
Последний день... И горе, горе!..
Но вот внезапно мирный флаг
Мелькнул среди ущелий горных;
Вот ближе к нам — и гордый враг,
С смиреньем данников покорных,
Идет рассеять русский гром,
Прося с потупленным челом
Статей пощады договорных...
Статьи готовы, скреплены...
Народов диких старшины
Решают участь поколений.
Восходит светлая заря...
В параде ратные дружины:
Койсубулинские стремнины
Под властью русского царя!..
Присяга нового владенья!
И взорам тысячей предстал
Победоносный генерал

Без битв и крови ополченья!
Цветут равнины Эрпелй!
Покой и мир в аулах бранных!
Не видят более они
Штыков отряда троегранных,
В своих утесах вековых
Не слышат пушек вестовых!
Громада зыбкая тумана,
Молчанье, сон и пустота
Объемлют дикие места
Надолго памятного стана.
И стан под Грозною стоит...
Но дума, дума о прошедшем
Невольно сердце шевелит,
В бреду поэта сумасшедшем
Я дни минувшие ловлю
И, угрожаемый холерой,
Себя мечтательною верой
Питать о будущем люблю!
Поклонник муз самолюбивый,
Я вижу смерть невдалеке;
Но все перо в моей руке
Рисует план свой прихотливый:
Сойдя к отцам вослед других,
Остаться в памяти иных!
Быть может, завтра или ныне,
Не испытая вражьих пуль,
Меня в мучной уложат куль
И предадут земной пустыне...
В глухой, далекой стороне
От милых сердцу я увяну
В угодность злобному тирану,

Моей враждующей судьбе!
Увидя мой покров рогожный,
Никто ни истинно, ни ложно
Не пожалеет обо мне.
Возьмут, кому угодно будет,
Мои чевяки и бешмет
(Весь мой багаж и туалет) —
И всякий важно позабудет,
Кто был их прежний господин...
А панихиды, сорочин,
Кутьи и прочих поминаний —
Хоть и не жди!.. Вот мой удел!
Его, без дальних предсказаний,
Я очень ясно усмотрел...
Что ж будет памятью поэта?
Мундир?.. Не может быть...
Грехи?..
Они оброк другого света...
Стихи, друзья мои, стихи!..
Найдут в углу моей палатки
Мои несчастные тетрадки,
Клочки, четвертки и листы,
Души тоскующей мечты
И первой юности проказы...
Сперва, как должно от заразы,
Их осторожно окурят,
Прочтут строк десять втихомолку
И, по обычаю, на полку
К другим писцам переселят...
А вы, надежды, упованья
Честолюбивого созданья,
Назло холере и судьбе,

Вы не погибнете с страдальцем:
Увидит чтец иной под пальцем
В моих тетрадках А и П,
Попросит ласковых хозяев
Значенье литер пояснить —
И мне ль забвенным, мне ли быть?
Ему ответят: *«Полежаев. . .»*
Прибавят, может быть, что он
Был добрым сердцем одарен,
Умом довольно своенравным,
Страстями; жребием бесславным
Укор и жалость заслужил,
Во цвете лет — без жизни жил,
Без смерти умер в белом свете. . .
Вот память добрых о поэте!

1830—1831

МОРЕ

Я видел море, я измерил
Очами жадными его;
Я силы духа моего
Перед лицом его поверил.
«О море, море! — я мечтал
В раздумьи грустном и глубоком:—
Кто первый мыслил и стоял
На берегу твоем, высоком?
Кто, не разгаданный в веках,
Заметил первый блеск лазури,
Войну громов и ярость бури
В твоих младенческих волнах?
Куда исчезли друг за другом
Твоих владельцев племена,
О коих весть нам предана
Одним злопамятным досугом?..
. . . .
. . . .
Всегда ли, море, ты почило
В скалах, висящих надо мной?
Или неведомая сила,
Враждуя с мирной тишиной,

Не раз твой образ изменила?
Что ты? Откуда? Из чего?
Игра случайная природы,
Или орудие свободы,
Воззвавшей все из ничего?..
Надолго ль влажная порфира
Твоей бесстрастной красоты
Осуждена блистать для мира
Из недр бездонной пустоты?»
Вот тайный плод воображенья
Души, волнуемой тоской,
За миг невольный восхищенья
Перед пучиною морской!..
Я вопрошал ее... Но море,
Под знойным солнечным лучом,
Сребрясь в узорчатом уборе,
Меж тем лелеялось кругом
В своем покое роковом.
Через рассыпанные волны
Катились груды новых волн,
И между них, отваги полный,
Нырял пред бурей утлый челн.
Счастливец, знаешь ли ты цену
Смешного счастья твоего?
Смотри на челн — уж нет его:
В отваге он нашел измену!..
В другое время на брегах
Балтийских вод, в моей отчизне,
Красуясь цветом юной жизни,
Стоял я некогда в мечтах;
Но те мечты мне сладки были:
Они приветно сквозь туман,

Как за волной волну, манили
Меня в житейский океан.
И я поплыл... О море, море!
Когда увижу берег твой?
Или, как челн залетный, вскоре
Сокроюсь в бездне гробовой?

ПЕСНИ

1

Зачем задумчивых очей
С меня, красавица, не сводишь?
Зачем огнем твоих речей
Тоску на душу мне наводишь?
Не припадай ко мне на грудь
В порывах милого забвенья, —
Ты ничего в меня вдохнуть
Не можешь, кроме сожаленья!
Меня не в силах воспалить
Твои горячие лобзанья,
Я не могу тебя любить —
Не для меня очарованья!
Я был любим, и сам любил —
Увял на лоне сладострастья!
И в хладном сердце схоронил
Минуты горестного счастья.
Я рано сорвал жизни цвет,
Все потерял, все отдал Хлое, —
И прежних чувств и прежних лет
Не возвратит ничто земное!
Еще мне милы красота
И девы пламенные взоры,
Но сердце мучит пустота,

А совесть — мрачные укоры!
Люби другого: быть твоим
Я не могу, о друг мой милый!..
Ах, как ужасно быть живым,
Полуразрушась над могилой!

II

У меня ль, молодца,
Ровно в двадцать лет
Со бела со лица
Спал румяный цвет,
Черный волос кольцом
Не бежит с плеча;
На ремне золотом
Нет грозы-меча,
За железным щитом
Нет копья-огня,
Под черкесским седлом
Нет стрелы-коня;
Нет перстней дорогих
Подарить милой!
Без невесты жених,
Без попа налой...
Расступись, расступись,
Мать-сыра земля!
Прекратись, прекратись,
Жизнь тоска моя!
Лишь по ней, по милой
Красен белый свет;
Без милой, дорогой
Счастья в мире нет!

III

Там, на небе высоко́
Светит солнце без лучей,
Так без друга далеко
Гаснет свет моих очей!..
У косящета окна
Раскрасавица сидит;
Призадумавшись, она
Буйну ветру говорит:
«Не шуми ты, не шуми,
Буйной ветер, под окном;
Не буди ты, не буди
Грусти в сердце ретивом;
Не тверди мне, не тверди
Об изменнике моем!
Изменил мне, изменил
Мой губитель роковой;
Насмеялся, пошутил
Над моею простотой,
Над моею простотой,
Над девичьей красотой;
Я погибла бы, душа
Красна-девка, от ножа,
Я погибла б от руки,
А не с горя и тоски.
Ты убей меня, убей,
Ненавистный мой злодей!
Я сказала бы ему,
Милу другу своему:
«Не жалею я себя,
Ненавижу я тебя!

Лей и пей ты мою кровь,
Утуши мою любовь!»
Не шуми ж ты, не шуми,
Буйный ветер, надо мной;
Полети ты, полети
Вдоль дороги столбовой.
По дороге столбовой
Скачет воин молодой;
Налети ты на него —
На тирана моего;
Просвищи, как жалкий стон,
Прошепчи ему поклон
От высоких от грудей,
От заплаканных очей, —
Чтоб он помнил обо мне
В чужедальней стороне;
Чтобы с лютою тоской,
Вспоминая, воздохнул
И с горючею слезой
На кольцо мое взглянул,
Чтоб глядел он на кольцо,
Как на друга прежних дней,
Как на белое лицо
Бедной девицы своей!..»

РОМАНСЫ

1

Пышно льется светлый Терек
В мирном лоне тишины;
Девы юные на берег
Вышли встретить пир весны.

Вижу игры, слышу ропот
Сладкозвучных голосов,
Слышу резвый, легкий топот
Разноцветных башмачков.

Но мой взор не очарован
И блестит не для побед, —
Он тобой одним окован,
Алый шелковый бешмет!

Образ девы недоступной,
Образ строгой красоты
Думой грустной и преступной
Отравил мои мечты.

Для чего у страсти пылкой
Чародейной силы нет —
Превратиться невидимкой
В алый шелковый бешмет?

Для чего покров холодный,
А не чувство, не любовь,
Обнимает, жмет свободно
Гибкий стан, живую кровь?

II

Утро жизнью благодатной
Освежило сонный мир,
Дышит влагою прохладной
Упоительный зефир.

Нега, радость и свобода
Торжествуют юный день;
Но в моих очах природа
Отуманена, как тень.

Что мне с жизнью, что мне с миром?
На душе моей тоска
Залегла, как над вампиром
Погребальная доска.

Вздох волшебный сладострастья
С стоном девы пролетел
И в груди за призрак счастья
Смертный хлад запечатлел.

Уж давно огонь объятий
На злодее не горит;
Но над ним, как звук проклятий,
Этот стон ночной гремит.

О, исчезни, стон укорный,
И замри, как замер ты
На устах красы упорной
Под покровом темноты!

III

Одел станицу мрак глубокий...
Но я казачкой осужден
Увидеть снова прежний сон
На ложе скуки одинокой.

И знаю я, приснится он,
Но горе деве непреклонной!
Приснится завтра ей, не сонной,
Коварный сон, мятежный сон.

Моей любви нетерпеливость
Утушит детскую боязнь;
Узнает счастие и казнь
Ее упорная стыдливость.

Станицу скроет темнота,
Но уж не мне во мраке ночи,
А ей предстанет перед очи
Неотразимая мечта.

1832

ЦЫГАНКА

Кто идет перед толпою
По широкой площади
С загорелой красотою
На щеках и на груди?
Под разодранным покровом
Проницательна, черна,
Кто в величии суровом
Эта дивная жена?..
Вьются локоны небрежно
По нагим ее плечам,
Искры наглости мятежно
Разбежались по очам, —
И, страшней ударов сечи,
Как гремучая река,
Льются сладостные речи
У бесстыдной с языка.
Узнаю тебя, вакханка
Незабвенной старины:
Ты коварная цыганка,
Дочь свободы и весны!
Под узлами бедной шали
Ты не скроешь от меня

Ненавистницу печали,
Друга радостного дня!
Ты знакома вдохновенью
Поэтической мечты,
Ты дарила наслажденью
Африканские цветы!
Ах, я помню... Но ужасно
Вспоминать лукавый сон;
Фараонка, не напрасно
Тяготит мне душу он!
Пронеслась с годами сила,
Я увял, — и наяву
Мне рука твоя вручила
Приворотную траву...

АХАЛУК

Ахалук мой, ахалук,
Ахалук демикотонный,
Ты работа нежных рук
Азиатки благосклонной!
Ты родился под иглой
Атагинки чернобровой,
После робости суровой
И любви во тьме ночной.
Ты не пышной пестротою,
Цветом гордых узденей,
Но смиренной простотою,
Цветом северных ночей,
Мил для сердца и очей...
Черен ты, как локон длинный
У цыганки кочевой;
Мрачен ты, как дух
пустынный —
Сторож урны гробовой;
И серебряной тесьмою,
Как волнистою струею
Дагестанского ручья,
Обвились твои края.
Никогда игра алмаза
У Могола на чалме,

Никогда луна во тьме,
Ни чело твое, о База, —
Это бледное чело,
Это чистое стекло,
Споря в живости с опалом,
Под ревнивым покрывалом —
Не сияли так светло.
Ах, серебряная змейка,
Ненаглядная струя—
Это ты, моя злодейка,
Ахалук суровый — я!

СТЕПЬ

Светлый месяц из-за туч
Бросил тихо ясный луч
По степи безводной;
Как янтарная слеза,
Блещет влажная роса
На траве холодной.
Время, девица-душа!..
Из-под сени шалаша
Пролети украдкой;
Улови, прелестный друг,
От завистливых подруг
Миг любови краткой!
Не звенит ли за холмом
Милый голос?
Не сверкнул ли над плечом
Черный волос?
Не знакомое ли мне
Покрывало
В благосклонной тишине
Промелькало?
Сердце вещее дрожит;
Дева юная спешит
К тайному приюту.

Скройся, месяц золотой,
Над счастливою четой,
    Скройся на минуту!
Миг волшебный пролетел,
    Как виденье,
И осталось мне в удел
    Сожаленье!
Скоро ль, девица-краса,
    От желанья
Потемнеют небеса
    Для свиданья?..

ОКНО

Там, над быстрою рекой
Есть волшебное окно;
Белоснежною рукой
Открывается оно.
Груди полные дрожат
Из-под тени полотна;
Очи светлые блестят
Из волшебного окна. . .
. . . .
. . . .
И, склонясь на локоток,
Под весенний вечерок,
Миловидна, хороша,
Смотрит девица-душа.
Улыбнется — и природа расцветет,
И приятней соловей в саду поет,
И над ручкою лилейной
Вьется ветер тиховейный,
И порхает,
И летает
С сладострастною мечтой
Над девицей молодой.
Но лишь только опускает раскрасавица
окно, —

Все над Тереком суровым и мертво и
холодно.

Улыбнись, душа-девица,
Улыбнись, моя любовь,
И вечерняя зарница
Осветит природу вновь!
Нет! жестокая не слышит
Робкой жалости моей,
И в груди ее не пышет
Пламень неги и страстей.

Будет время, равнодушная краса,
Разнесется от печали светлорусая коса!

Сердце пылкое, живое
Загрустит во тьме ночной,
И страдание чужое
Ознакомится с тобой;
И откроешь ты ревниво
Потаенное окно,
Но любви нетерпеливой
Не дождется уж оно!

ЧИР-ЮРТ

А. П. Лозовскому

Любезный друг!

. . . .

. . Среди ежедневных стычек и сражений при разных местах в Чечне, в шуму лагеря, под кровом одинокой палатки, в 12 и 15 градусов мороза, на снегу, воспламенял я воображение свое подвигами прошедшей битвы, достойной примечания в летописях Кавказа, и в 11 дней написал посылаемый к тебе «Чир-Юрт».

Крепость Грозная. 25 мая 1832 года

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Цель бытия души высокой,
Удел и жизнь полубогов —
Сияет слава в тьме веков,
В пучине древности глубокой!
Подобно юной красоте
В толпе соперниц безобразных,
Подобно солнцу в высоте
Перед игрой лучей алмазных,
Она блестит, она горит
Без украшений и убранства,

Среди бесплодного тиранства
Своих ничтожных эвменид.

Где тот, чью душу не волнует
Войны и славы громкий глас?
Чье сердце втайне не тоскует,
Внимая воина рассказ
О наслажденьях жизни бранной,
Кровавых сечах и боях,
О вражьих пулях и мечах,
И смерти, всюду им попранной?
Кто не стремится, не летит
Душой за взором и за словом,
Когда усатый инвалид
На языке своем суровом,
Но верном, как граненый штык,
С которым к правде он привык,
Передает детям иль внукам
Любимый ключ к своим наукам —
Большую повесть прежних лет?
О, знай, питомец Аполлона,
Там, где витийствует Беллона,
Ничтожен гений и поэт!

Есть много стран под небесами,
Но нет той счастливой страны,
Где б люди жили не врагами,
Без права силы и войны!
О, где не встретим мы способных
Основы блага разрушать?
Но редко, редко нам подобных
Умеем к жизни призывать!..

Младые воины Кавказа,
Война и честь знакомы вам;

Склоните слух к моим словам,
К словам кавказского рассказа!
Я не усатый инвалид,
Наследник песней Оссиана;
Под кровом горного тумана
Мне дева арфы не вручит...
Но ропот грусти безотрадной,
Пиры кровавые мечей —
Провозгласит вам, славы жадный,
Певец печали и страстей!
Добыча юности безумной
И жертва тягостная дня,
Я загубил уже в подлунной
Состав весенний бытия.
Неукротимый и мятежный,
Покоя сладкого злодей,
Я потонул в глуби безбрежной
С звездой коварною моей.
На поле чести, в бурях брани,
Мой меч не выпадет из длани
От страха робостной души:
Но, вечной грустью очарован,
Наедине с собой, в тиши,
Мой ум бездействен, дух окован
Цепями смерти вековой,
Как гений злобы роковой.
Забытый, пасмурный и скучный,
Живу один среди людей,
Томимый мукою своей,
Везде со мною неразлучной...
Безжалостный, свирепый взор,
Привет холодный состраданья —

Все новой пищей для страданья,
Все новый, вечный мне укор!..
Одни тревоги и волненья,
Картины гибели и зла —
Дарят минуты утешенья
Тому, кто умер для добра!..
Так, уничтоженный для жизни,
Последней кровью для отчизны
Я жажду смыть свое пятно!..
О, если б некогда оно
Исчезло с следом укоризны!..
Военный гул гремит в горах,
Клятвопреступный дагестанец,
Лезгин, чеченец, закубанец
Со мною встретятся в боях!
Не изменю царю и долгу,
Лечу за честию везде
И проложу себе дорогу
К моей потерянной звезде!..
Меж тем под ризою ночною
Шумит в разбойничьем лесу
С своей обычной быстротою
По голым камням Арак-Су.
Но искры бунта с новой силой
Пророк неистовый раздул,
И стал пустынною могилой
Мятежных подданных аул.
Все пусто в нем! Свирепый пламень
Пожрал жилище беглецов;
Обломки бревен, черный камень
И пепел брошенных домов
Гласят об участи врагов.

Там, где под русскою защитой
Недавно цвел веселый мир,
Лежит возникший и разбитый
Чеченской вольности кумир.
Поля и нивы золотые,
Удел богатой тишины —
В места унылые, пустые
В единый миг обращены.
Их топчет всадник беспощадный
Своим гуляющим конем,
Меж тем как хищник кровожадный
В оцепенении немом
Клянет отмстительную руку
Неодолимого бойца,
И видит, с жалостью отца,
Тоску, отчаянье и муку
Своей жены, своих детей,
Которых он, изнеможенных,
Нагих и гладом изнуренных,
Сокрыл в пристанище зверей...
    Перед аулом над рекою,
В огнях, как пламенный волкан,
Стоит громадой боевою
Каратель буйных — русский стан.
Не многолюдные дружины
В летучих ставках и шатрах
По скату вражеской долины
Вокруг себя наводят страх!
Нет, око видит с изумленьем
В пришельцах русских горсть людей;
Но эта горсть с пренебреженьем
Пойдет на тысячи смертей!..

Не в первый раз под их стопами
Хрустит в лесах осенний лист,
Не в первый раз над головами
Они внимают пули свист!
То дети чести безукорной,
Владыки сабли и штыка!
Мятежник, хищник непокорный
Их знает — эти три полка!..
Всегда в крови на вражьем трупе,
Всегда с победой впереди:
При Эндери, при Маюртупе,
Под богатырским Кошкильди!
Вблизи рассыпана ватага
Неукротимых ездоков,
Казачья буйная отвага,
Краса линейных удальцов.
Татарский вид, вооруженье,
Страны отечественной грудь —
Все может в рыцаря вдохнуть
Боязни тайной впечатленье.
Взрощенный в сечах на коне,
Он дышит смертью на войне!..
Всегда в трудах, всегда в движенье
Сия блуждающая рать;
Ее удел и назначенье —
Закон и правду охранять.
В стране гористой печенега,
Где житель русского села
Без верной шашки у седла
Не безопасен от набега;
Где мир колеблемый станиц,
Ненарушимость достояний,

И святость прав, и честь девиц
Нередко жертвою стяжаний
Неумолимых кровопийц;
Где беззащитные трепещут,
Где в тишине полночной блещут
Ножи кровавые убийц —
Необходим бесстрашный воин,
Опора слабых, страх врага,
И, верный долгу, он достоин
Из рук бессмертия — венка...
Взяла довольно храбрых воев
Неукротимая страна;
Молва гласит нам имена,
И жизнь, и подвиги героев.
Довольно трупов и костей
Пожрали варварские степи;
Но ни огонь, ни меч, ни цепи
Не уничтожили страстей
Звероподобного народа.
Его стихия — кровь и бой,
Насильство, хищность и разбой,
И безначальная свобода...
Ермолов, грозный великан
И трепет буйного Кавказа!
Ты, как мертвящий ураган,
Как азиатская зараза,
В скалах злодеев пролетал;
В твоем владычестве суровом,
Ты скиптром мощным и свинцовым
Главы Эльбруса подавлял!..
И ты, нежданный и крылатый,
Всегда неистовый боец,

О Греков, страшный — и заклатый
Кинжалом мести наконец!
Что грохот вашего перуна?
Что миг коварной тишины?
Народы Сунжи и Аргуна
Доныне в пламени войны;
Брега Кой-Су, брега Кубани
Досель обмыты кровью брани!
Там, где возникнул Бей-Булат,
Не истребятся адигеи;
Там вьются гидрами злодеи —
И вечно царствует булат!..
Он здесь, он здесь, сей сын обмана,
Сей гений гибели и зла,
Глава разбоя и корана,
Бич христиан — Кази-Мулла!
«Пророк, наследник Магомета,
Брат старший солнца и луны..»
Вот титла хитрого атлета
В устах бессмысленной страны.
Он чужд пронырства лицемера:
Оно не нужно для глупцов;
Ему довольно пары слов:
Так бог велит, так хочет вера!
Он все для горцев: судия,
Пророк, наставник, предводитель,
И первый — прав и бытия
Своих апостолов гонитель...
Там, обольщая Дагестан,
Он грабит русского вассала,
И слабый подданный шамхала
Влечется силою в обман.

Граната в парк дохнула адом...
Скалы на воздух... Гром, огонь
Взвились над морем... Всадник,
конь —
Все пало ниц кровавым градом...
Пророк исчез с своим отрядом.
Там он, разлив как океан
Свои мятежные народы
Вкруг малой горсти россиян,
Грозит бедой, отводит воды...
Но крепость русская тверда:
Не стонет воин изнуренный;
Сверкает штык ожесточенный —
И льется жаждущим вода!
Что ж гений замыслов преступных,
Посланник мнимый божества?
С гремящей славой торжества
Он оставляет недоступных
И поучает мусульман
Перед началом первой битвы
Читать прилежнее молитвы
И верить твердо в алкоран...
Вот тайна властвовать умами!
Вот легковерие людей,
Всегда готовое мечтами
Питать волнение страстей!..
Надеждой ложной и безумной
Лукавец очи ослепит,
И сонм невежд хвалою шумной
Свою погибель одобрит!
Уже тогда, как грозно, грозно
Накажет нас правдивый меч,

Хотим мы с робостью пресечь
Удар отмстительный — но поздно! . .
Тогда в ужасной наготе
Предстанет нам внезапно совесть,
И ум, блуждавший в темноте,
Прочтет ее живую повесть!
О, для чего я на себе
Влачу раскаяния бремя?..
Зачем счастливейшее время
Я отдал бурям и судьбе,
Несправедливой, своенравной,
Убийце пылкого ума?..
Ужель последней ночи тьма
Застанет труп мой все бесславный,
Все ненавистный для людей,
Отраду вранов и червей?..
Меж тем под ризою ночною
Шумит в разбойничьем лесу
С своей обычной быстротою
По голым камням Арак-Су.
Мелькая в нем светло и стройно,
Луна плывет в туманной мгле;
Дружина русская покойно
Стоит на вражеской земле...
Ночлег на месте — нет сомненья...
В кострах чеченские дрова,
Вокруг забота и движенья
И песни звучные слова...
Иные спят, другие бродят,
В кружках толкуют кой о чем;
Пикет сменяют, цепь разводят,
Смеются, вздорят о пустом.

В одной палатке за стаканом
Видна мирская суета:
В другой досужная чета,
Засев en grand над барабаном,
Преважно судит о плие;
А третий зритель машинально
Им поясняет пунктуально,
Что даму следует на пе.
«У всякого своя охота,
Своя любимая забота», —
Сказал любимый наш поэт,
А потому сомненья нет,
Что часто в лагере походном
Мы видим так же точно свет,
Как и в собранье благородном.
Но вот различие: в одном
Вернее, нежели в другом!..
Тьфу — как несбыточны догадки!
Лишь только даму в третий раз
На пе загнули, вдруг приказ:
Снимать немедленно палатки!
Приказ исполнен в тишине;
Багаж уложен, цепи сняты;
В строю рассчитаны солдаты,
И всадник в бурке на коне...
Поход. Марш, марш по отделеньям!
Развились лентой казаки.
И с непонятным впечатленьем
Безмолвно тронулись полки...
Заряд на полке, все готово!..
На сердце дума: верно, в бой!..

Но вопросительного слова
Не знает русский рядовой!
Он знает: с нами Вельяминов —
И верит счастливой звезде.
Отряд покорных исполинов
Ему сопутствует везде.
Он знал его давно по слуху,
Давно в лицо его узнал...
Так передать отважность духу
Умеет горский Аннибал!
Он наш, он сладостной надежде
Своих друзей не изменил;
Его в грозу войны, как прежде,
Наш добрый гений подарил!
Смотрите, вот любимый славой!..
Его высокое чело
Всегда без гордости светло,
Всегда без гнева величаво!..
Рисуют тихо думы след
Его пронзительные взоры...
Достойный видит в них привет,
Ничтожный — чести приговоры!..
Он этим взором говорит,
Живит, терзает и казнит...
Он любит дело, а не слово...
С душою доброю — он строг;
Судья прямой, но не суровый,
Бесстрастно взыщет он за долг;
За чувство истинной приязни
Он платит лаской отца;
Никто из рабственной боязни
Не избегал его лица.

Всегда один, всегда покоен;
Походом, в стане пред огнем,
С замерзлым усом и ружьем
Нередко греется с ним воин...
Куда ж поход во тьме ночной?
Наш полководец не обманщик,
Его ответ всегда простой:
«Куда ведет вас барабанщик?..»
Но мы не в первый раз в горах:
Ведет в Внезапную дорога;
От ней в двенадцати верстах
Аул. Мы знаем, где тревога.
Идем. Уж полночь. Огоньки
С высот твердыни замелькали:
По камням речки казаки
С главой дружины проскакали:
За ними вслед полки вперед,
Артиллеристы на лафеты...
Патроны вверх, полураздеты,
Ногой привычною мы вброд.
Вот на горе перед аулом...
«Вперед!» — «А! — верно, на
Сулак? —
Перелилось болтливым гулом, —
Ведь говорил же нам казак!»
Давно ль, расставшись
с Дагестаном,
На этом месте, о друзья,
Наскуча длинным рамазаном,
Байрам веселый встретил я!
Тогда все пело беззаботно
В деревне счастливых татар;

В то время русские охотно
Желали видеть их базар.
Мирный чеченец, кабардинец,
Кумык, лезгин, койсубулинец,
И персиянин, и еврей,
Забыв вражду своих обрядов,
Пестрели здесь, как у друзей,
Красою праздничных нарядов,
В толпе андреевцев, жидов.
Смотря на разные проказы,
Кто не купил себе обнов
Тогда на лишние абазы?
Один с ружьем приходит в стан,
Другой под буркою мохнатой,
Тот шашкой хвалится богатой,
А этот кажет ятаган.
Всего так много, так довольно,
Товар Востока налицо,
И, признаюсь, меня невольно
Пленило горское кольцо
И трубка — ах! какая трубка! —
Ее разбило у меня
Потом невинное дитя,
Одна девчонка-душегубка!
Но, верьте, я не пропущу
Смешной каприз такого роду —
И по пятнадцатому году
Шалунье славно отомщу...
Теперь где лица, где наряды?
Где разноцветный их базар?
Нигде задумчивые взгляды
Не встретят ласковых татар.

Разбойник яростный в пустыню
Торговый город обратил
И беззаконную гордыню
На пепле саклей водворил.
Одни потомки Авраама
Покорны русскому мечу
И в укрепленьях Ташкичу
Ждут смело нового байрама.
Верхи Андреевой горы
Давно сокрылись для отряда;
Ясней туманная громада,
Сырее влажные пары.
Долина глухо вторит топот
Шагов фаланги боевой,
И зашумел перед зарей
Волны Кой-Су протяжный ропот.
Вот прояснился небосклон...
Река вблизи. На берег прямо
Кавалерийский легион
Коней испуганных упрямо
Торопит в воду. Залп огней
Раздался вдруг из камышей...
Покойно, тихо, без ответа
На ласку вражьего привета,
Плывут и едут казаки...
Вторичный залп... Опять молчанье...
В волнах разлившейся реки
И гул, и крик, и коней ржанье.
Вода свирепствует, кипит,
Буграми в рать отважных хлещет;
Товарищ всадника трепещет,

И леденеет, и храпит...
Вздымая морду, друг ретивый
В стихии грозной тонет с гривой,
Дрожит, колеблется, как челн,
Несет заветного рубаку,
Или, предавшись злобе волн,
Бессильный, мчится по Сулаку...
Но солнце блещет в вышине.
И русской пушки гул мятежный
Гласит на вражьей стороне
Чир-Юрта жребий неизбежный!
Вот он, отважнейший в горах,
Как Голиаф неодолимый,
Стоит в красе необозримой
На диких каменных скалах!
Возникший в ужасах природы,
Надменный крепостью своей,
Он — вечный воин мятежей
И страж разбойничьей свободы!
Назло примерной доброте,
Вассал и друг неблагодарный,
Как часто в наглой черноте
Питал он замысел коварный,
Острил убийственный кинжал
На благодетельную руку,
И ей же с робостью вверял
Свою измену, жизнь и муку!
Но он придет — сей лютый час!
Злодей проснется без отрады,
И будет тщетно скорбный глас
Просить отверженной пощады!..

О, как безумна, как дерзка
Неустрашимость смельчака!..
Он презирает наши пули;
Смеясь, готовится к войне,
И между тем в его ауле
Дымятся сакли в тишине...
Когда жена его и дети
Стремятся в ужасе к мечети
И в прахе льют потоки слез, —
Кичливый варвар с небреженьем
Дарит их ложным утешеньем
Иль взором гнева и угроз!
Слепец, уверенный тираном
В своей надежде роковой,
Клялся торжественно кораном,
Мечом и бритой головой
Спасти могилы правоверных
От поругания собак
И кровью воинов неверных
Насытить яростный Сулак.
Но не преступного вассала
На жертву русскому обрек
Святой губитель их, пророк...
О нет, и подданных шамхала,
Мятежных жителей Тарков,
И маюртупских беглецов
Он здесь собрал для истребленья!
И я клянусь своим ружьем:
Кази-Мулла с большим умом
И в праве требовать почтенья!
Его призывный к брани клич —
Всегда злодеям новый бич!

Смотрите, вот они толпами
Съезжают медленно с холмов
И расстилаются роями
Перед отрядом казаков.
Смотрите, как тавлинец ловкий
Один на выстрел боевой
Летит, грозя над головой
Своей блестящею винтовкой;
С коня долой — удар, и вмиг
Опять в седле, стреляет снова,
К луке узорчатой приник —
И нет наездника лихого!
Вот двое пеших за бугром...
На сошки ружья, приложились...
Три пули свистнули кругом...
Они ответили и — скрылись!
Но пусть картечью и ядром
Пугают робких! Что за дума
У полководца на челе?
Среди Сулака на седле
Взирает мрачно и угрюмо
На переправу генерал.
По грудь в воде, рука с рукою
Неверной, шаткою ногою
Пехотный сонм переступал;
Крутя валы с ужасным ревом,
Река, как ад с отверстым зевом,
Твердыню храбрых облила;
За каждый шаг — назад, стеною,
Дружину с ношей боевою
Волна свирепая гнала...
Собрав измученные силы,

Без слов, но с бодрою душой,
Они встречают мрак могилы
И образ смерти пред собой.
Один упал, другой слабеет...
Шатнулся, пал... и в целый рост!
На помощь — кони: тот за хвост,
Другой на гриве цепенеет...
Ныряют сабли и штыки;
Несутся пушки с лошадями;
Летает гибель над главами —
Идут бестрепетно полки...
Всегда задумчивый, глубокий
Ценитель сердца и людей,
Но, затаив в душе высокой
Волненье чувства и страстей,
Не изменя чела и взора,
Он вдруг решается... «Назад!» —
Он рек — и силу приговора
Покорно выполнил отряд.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Да будет проклят злополучный,
Который первый ощутил
Мученья зависти докучной:
Он первый брата умертвил!
Да будет проклят нечестивый,
Извлекший первый меч войны
На те блаженные страны,
Где жил народ миролюбивый!..
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Печальный гений падших царств,
Великой истины свидетель:
Закон и меч! — вот добродетель!
Единый меч — душа коварств;
Доколь они в союзе оба,
Дотоль свободен человек:
Закона нет — проснулась злоба,
И меч права его рассек...
Вот корень жизни безначальной,
Вот бич любимый сатаны!
Вина разбоя и войны,
Кавказа факел погребальный!..
И ты сей жребий испытал,
Чир-Юрт отважный, непокорный!
Ты грозно бился, грозно пал
С твоей гордынею упорной.
О, как ужасно разлилось
Меча губительного мщенье!
Как громко, страшно раздалось
В туманах гор твое паденье!..
И час пробил: Чир-Юрта нет!
В стенах Чир-Юрта сын побед,
Огонь, гроза и разрушенье...
Толпа врагов издалека
Взирала с радостию шумной
На отступление врага:
Оно надеждою безумной
Питало ярость смельчака;

Оно вещало суеверным
Определение небес:
«Сам рок противится неверным,
И гяур мстительный исчез!»
Сильней отвага горделивца,
Спесивей варварская честь,
И мчит по саклям кровопийца
Никем не слыханную весть...
Какой восторг и изумленье
И жен, и старцев, и детей!
Какое бурное волненье
Среди народных площадей!..
«Я здесь, рабы мои! я с вами! —
Вещает глас среди толпы. —
Я вам безгрешными устами
Открою таинства судьбы!
Как волны моря от гранита,
От вас отхлынули враги:
Но сила дивная реки
Была небесная защита.
Внимайте мне: придут полки,
Придут полки за палачами,
И меч невидимой руки
Сразит их вашими мечами!..
Молите бога! Сильный бог
Приемлет теплые молитвы,
Но для неправедных жесток
И страшен он на поле битвы!..»
«Исчезни, рабственный позор! —
Завыли грозно изуверы. —
Умрем за вольность наших гор,
За край родной, за святость веры!»

Чей глас таинственный вещал
Слова коварства и обмана?..
Кто имя бога призывал? —
Мятежник гор и Дагестана!
Но где отряд? Ужели он
С своим вождем не занят славой?
Ужель пророком осужден
Он вечно быть над переправой
И уготовит наконец
Себе страдальческий венец
За пир последний и кровавый,
Который дать желает нам
В угодность бритым головам?..
О горе, горе! по Сулаку
Вблизи отыскан новый брод,
И вождь на гибельную драку
Проклятых гяуров ведет.
«Беда!.. Помилуй, ради бога!
Чего ты хочешь, генерал?..
Пророк шутить не будет много;
Он нас повесить обещал!
Пропали мы, пропали гуртом...»
Но он не слышит, не идет...
И что за чудо? весь народ
Живой явился под Чир-Юртом!
Простите, милые друзья,
Когда, за важностью рассказа,
Всегда родится у меня
Некстати шутка и проказа!
Ей-ей, не знаю почему,
Я своевольничать охотник.
И, признаюсь вам, не работник

Ученой скуке и уму.
Мне дума вольная дороже
Гарема светлого паши,
Или почти одно и то же;
Она — душа моей души.
Боюсь, как смерти, разных правил,
Которых, впрочем, по нужде,
В моральной жизни и в беде
Благоразумно не оставил;
Но правил тяжкого ума,
Но правил чтенья и письма
Я не терплю, я ненавижу
И, что забавнее всего,
Не видел прежде и не вижу
Большой утраты от того.
Я трату с пользою исчислю
И вот что после вывожу:
Когда пишу — тогда я мыслю;
Когда я мыслю — то пишу...
Скажи же, милый мой читатель
И равнодушный судия,
Ужель я должен, как писатель,
Измучить скукою себя?..
Ужели день и ночь для славы
Я должен голову ломать,
А для младенческой забавы
И двух стихов не написать?..
Мы все, младенцы пожилые,
Смешнее маленьких ребят,
И верь: за шалости бранят
Одни лишь глупые и злые.

Все тихо в лагере ночном.
К земле приникнув головою,
С своим хранителем-ружьем,
Приносит русский дань покою.
Питомец севера и льдов,
Не зная прихоти и неги,
Везде завидные ночлеги
Себе находит у врагов.
И сон угрюмый над аулом
Летает с образом луны;
Одна река протяжным гулом
Тревожит царство тишины.
И сон лукавый, сон опасный,
Товарищ думы и тоски!
Тебя приветствуют напрасно
Сии мятежные враги!..
Отрады сладкого забвенья
Всегда чуждается злодей,
И ты крылом успокоенья
С подругой сердца и ночей
Не осенишь его очей!
Увы, печальна, одинока,
С душевной бурей на челе,
Как жертва крови и порока,
Таится, бедная, во мгле;
Она исполнена боязни;
Для ней погиб надежды луч:
Ей светлый день за ризой туч —
Предвестник гибели и казни...
А он, убийца юных дней
Подруги сердца и ночей,

Меж тем, бессонный, на кинжале
Лежит в разбойничьем завале.
Но вот уж ранняя звезда
В пустынях неба показалась;
Волнистой тенью нагота
Полей и гор обрисовалась.
Ударил звонкий барабан;
Завыла пушка вестовая,
И полунощный великан
Восстал, как туча громовая.
Молитва к богу, меч во длань,
И за начальником отряда
Толпой бесстрашною на брань
Валит безмолвная громада.
Певец Гюльнары! для чего
В избытке сердца моего,
В порывах сильных впечатлений,
Назло природе и судьбе,
Зачем не равен я тебе
Волшебным даром песнопений?..
Тогда бы кистию твоей,
Всегда живой и благородной,
Я тронул с гордостью свободной
Сердца холодные людей;
Тогда, владыка величавый
Перуна, гибели и зла,
Изобразил бы я дела
Войны жестокой и кровавой;
Отважный приступ христиан,
Злодеев яростную встречу,
Орудий гром, пальбу и сечу,
И смерть, и кровь, и трепет ран...

Изобразил бы я страданье
Полуживого мертвеца...
И жил, и членов содроганье,
Его последнее дыханье
И чувства мертвого лица...
Но ты, певец души и чувства,
Умея смертных презирать,
Ты нам не передал искусства
Умы и души волновать!
Как непонятное явленье,
Исчезло мира изумленье:
Великий гений и поэт...
Осиротевшая природа
И Новой Греции свобода
Вещают нам: Байрона нет!..
. . . .
. . . .
Недолго, воины Москвы,
Своих врагов искали вы!
На заповеданной молитве,
С ружьем и шашкою в руках,
Вы их узнали на холмах,
Давно готовых к лютой битве.
Свинец летучий, рассыпной
Встречает рать передовую,
И первый раз в толпу лихую
Направлен меткою рукой
Удар картечи боевой...
И разлетелся с рокотаньем
Заряд чугунного жерла,
И салатовец с содроганьем
Бежит до нового холма...

Засел... Проходит ополченье:
Кремни стучат, ядро свистит...
Защита... натиск... отраженье...
Злодей рассеян и бежит!..
Отряд идет густой колонной;
Но на пути большой овраг,
Кругом завалы; злобный враг
Из-за утесов пеший, конный,
Стреляет в цепь и в казака;
Навстречу гул единорога,
Картечи, ядра в смельчака —
И снова чистая дорога.
Линейный всадник впереди,
Усач с крестами на груди,
Отважный Засс его главою;
Всегда в виду, всегда в огне,
Под ним летает конь гусарский;
Перед полками князь Черкасский
И полководец на коне.
Земля трясется, тучи дыма,
Жужжанье пули, свист ядра,
И штык, и сабли, и ура
Приводят в трепет мизраима.
Он уступает чудесам,
Клянет открытое сраженье
И, угрожая, в отступленьи,
Спешит к завалам и стенам.
Искусство, сила и природа
Слились, казалось, заодно
В защиту дикого народа:
И рвы, и насыпь, и бревно,
И неприступными рядами,

Как время, вечные скалы.
Над ними вьются временами
Одни свирепые орлы,
И с алчным криком облетая
В глуби туманной вышины
Чир-Юрт и горы Балтугая,
Невольно в жителей страны
Вдыхают ужасы войны.
Там, укрепясь ожесточеньем,
Засели бодрые враги
И ожидали с небреженьем
Иноплеменные полки.
И вот они перед врагами
С своими страшными громами
Идут нетрепетной грядой;
Питомцы хищного разбоя
Огонь открыли роковой,
И зашумела над стеной
Гроза решительного боя.
Не видно более в дыму
Ни скал, ни воинов аула;
В тревоге приступа, в шуму,
В раскатах пушечного гула
Не слышно голоса вождя,
Но он повсюду, вождь упрямый:
Иди вперед, кидайся прямо
В огонь свинцового дождя —
Он там, покойный, величавый;
Он видит все, его рука
Вам указует и врага
И путь давно знакомой славы...
Смотрите: вот бросает он

Стрелков Бутырских батальон
С крутого берега Сулака!
Пока у варваров кипит
С бойцами егерскими драка,
Стрелок отважный поспешит
Тропой невидимой к оплоту —
И враг противной стороной
Увидит вдруг перед собой
Неотразимую пехоту.
Но бой сильнее! Вот ядро
Разбило твердое ребро
Полугранитного завала —
И изумился суевер:
Неустрашимый офицер,
Покорный воле генерала,
Взлетает с скоростью ядра
На вышину другой защиты;
За ним друзья его... Ура!
Толпы неистовые сбиты!.
И — на завале ятаган
И разогнутый алкоран!
Какое гибельное море
На осажденных пролилось;
И гром, и треск, и горе, горе:
Веленье мощного сбылось!
Бутырцы в схватке рукопашной
На опрокинутой стене;
Московец, егерь тучей страшной
На новой сбитой стороне;
Визжат картечи, ядра, пули;
Катятся камни и тела,

Гремит ужасное: алла!
И пушка русская в ауле!..
Кто проникал в сердца людей
С глубоким чувством изученья;
Кто знает бури, потрясенья —
Следы печальные страстей;
Кто испытал в коварной жизни
Ее тоску и мятежи
И после слышал укоризны
Во глубине своей души;
Кому знакомы месть и злоба —
Ума и совести раздор —
И, наконец, при дверях гроба
Уничижения позор;
Кого обманывал стократно
Неверный счастья идеал;
Кто все ужасно, невозвратно
В безумстве жалком потерял;
Кто силой опыта измерил
Земного блага суеты —
Тому б страдальцу я поверил
Мои унылые мечты.
Мой ум, мой дух, воображенье,
Под залпом тысячи громов,
На трупах русских и врагов,
На страшном месте пораженья!..
Но ах! в убийственной глуши
Едва ль я сам не без души!..
Все истребляет, бьет и губит
Везде бегущего врага:
Его, беспамятного, рубит
Кинжал и шашка казака.

Жестокой местию пылая
В бою последнем, роковом,
Его пехота удалая
Сражает пулей и штыком.
Дитя безумного мечтанья,
Надежда храбрых умерла
И падшей гордости стенанья
С собой в могилу унесла.
Бежит черкес, несомый страхом,
За ним летучая гроза
И смерти лютая коса
С своим безжалостным размахом.
В домах, по стогнам площадей,
В изгибах улиц отдаленных
Следы печальные смертей
И груды тел окровавленных.
Неумолимая рука
Не знает строгого разбора:
Она разит без приговора
С невинной девой старика
И беззащитного младенца;
Ей ненавистна кровь чеченца,
Христовой веры палача —
И блещет лезвие меча...
Как великан, объятый думой,
Окрест себя внимая гул,
Стоит громадою угрюмой
Обезоруженный аул.
Бойницы, камни и твердыни,
И длинных скал огромный ряд —
Надежный щит его гордыни —
Пред ним поверженны лежат.

Их оросили кровью черной
Его могучие сыны,
И не поднимет ветер горный
Красы погибшей стороны:
Оборонительной стены
И стражей воли непокорной...
И все в унынии кругом!
Его судья, властитель новый,
В ущелья гор за беглецом
Теперь несет удар громовый.
Не воин, клявшийся аллой
Рассеять сонм иноплеменный,
Не воин битвы дерзновенный,
Отважный духом и рукой,
Полурассеянный, разбитый,
Но вечно грозный для врага
Всегда готовый для защиты,
Бежит, грозя издалека
Победоносному герою,
И вдруг нежданный перевес
Дает отчаянному бою...
Нет, воин ярости исчез
С своею клятвой на завале;
Столпы Чир-Юртские упали
С утратой славы мусульман,
И лютой мести ураган
Вился над робкими душами
В огне потерянных голов,
Над беззащитными руками
Обыкновенных беглецов...
Не тратьте лишнего заряда
Рои крылатые стрелков:

Для очарованного стада
Довольно сабли и штыков!
Холмы, утесы и стремнины —
Все неприязненному путь;
Но вслед за ним — повсюду грудь
И меч торжественной дружины...
За ней отчаянье и стон,
И кровь, и смерть со всех сторон!
Между крутыми берегами,
Всегда омытыми водой,
Шумит кипучими валами
Кой-Су, туманный и седой.
Противник вечный русской силы,
В холодной сфере глубины
Не раз готовил он могилы
Детям полночной стороны.
Неукротимый и суровый,
Недавно с яростию новой
Он ополчался на коней
И смелых воинов завета,
Когда толпа богатырей
На бранный берег Магомета
Вносила тысячу смертей.
Еще под каменной скалою
Привязан счастливый челнок,
На коем раннею порою
Вчера пронесся лжепророк.
С какою радостию бурной
Волною светлой и лазурной
Он лобызал его края,
Дарил, как ветер, легким бегом
И, силу дивную тая,

Остановил его под брегом.
Теперь кипучею волной,
Сражаясь с черными скалами
Опять шумит под берегами
Кой-Су, туманный и седой.
  Уста коварного пророка
Вещали гибель и обман,
И обратились силы рока
На суеверных мусульман.
Но что за крик, и шум, и грохот
От стен Чир-Юрта по горам?
И пули визг и конский топот
Гласят чудесное волнам?
Вот ближе, ближе... Под скалами
Кой-Су не плещет, не шумит;
Потомок Каина толпами
На берег в ужасе спешит.
Кой-Су кипит, вздымает волны,
Горами хлещет в крутизну,
И воин бритый — пеший, конный
Стремглав слетает в глубину.
За ним картечи!.. Воют, стонут,
Плывут мятежно, вьются, тонут
Сыны отчаянья и зла...
Спаси их, праведный алла!
  О, кто, свирепою душою
Войну и гибель полюбя,
Равнина бранная, тебя
Обмыл кровавою росою?
Кто по утесам и холмам,
На радость демонам и аду,
На пир шакалам и орлам,

Рассеял ратную громаду?
Какой земли, какой страны
Герои падшие войны?
Все тихо, мертво над волною;
Туман и мир на берегах;
Чир-Юрт с поникшею главою
Стоит уныло на скалах.
Вокруг него, на поле брани,
Чернеет дыму полоса,
И смерти алчная коса
Сбирает горестные дани...
Приди сюда, о мизантроп,
Приди сюда в мечтаньях злобных
Услышать вопль, увидеть гроб
Тебе немилых, но подобных!
Взгляни, наперсник сатаны,
Самоотверженный убийца,
На эти трупы, эти лица,
Добычу яростной войны!
Не зришь ли ты на них печати
Перста невидимой руки,
Запечатлевший стон проклятий
В устах страданья и тоски?
Смотри, во мгле ужасной ночи,
В ее печальной тишине,
На закатившиеся очи
В полубагровой пелене...
За полчаса их оживляла
Безумной ярости мечта;
Но пуля смерти завизжала —
В очах суровых темнота.
Взгляни сюда, на эту руку —

Она делила до конца
Ожесточение и муку
Ядром убитого бойца;
Обезображенные персты
Жестокой болью сведены,
Окаменелые — отверсты,
Как лед сибирский, холодны...
Вот умирающего трепет:
С кровавым черепом старик...
Еще издал протяжный лепет
Его коснеющий язык...
Дух жизни веет и проснулся
В мозгу рассеченной главы...
Чернеет... вздрогнул... протянулся —
И нет поклонника аллы...
    Повсюду, жертвою погони,
Во прахе всадники и кони,
И нагруженные арбы;
И победителям на долю
Везде рассеяны по полю
Мятежной робости дары:
Кинжалы, шашки, пистолеты,
Парчи узорные, браслеты
И драгоценные ковры.
    Чрез долы, холмы и стремнины,
С челом отваги боевой,
Идут торжественной тропой
К аулу русские дружины.
За ними вслед — игра судьбы —
Между гранеными штыками
Влачатся грустными толпами
Иноплеменные рабы.

Восстав над вечною могилой,
В последний день издалека
Чир-Юрт, пустынный и унылый,
Встречает грозного врага.
Сверкает, пышет бурный пламень;
Утесы вторят треск и гул,
И указуют пепл и камень,
Где был разбойничий аул...
Когда воинственная лира,
Громовый звук печальных струн,
Забудет битвы и перун
И воспоет отраду мира?
Или задумчивый певец,
Обманут сладостною думой,
Всегда печальный и угрюмый,
Найдет во бранях свой конец?

ТАЙНЫЙ ГОЛОС

Есть духи зла — неистовые чада
Благословенного отца;
Удел их — грусть, отчаянье — отрада,
А жизнь — мученье без конца.

В великий час рождения вселенной,
Когда извлек всевышний перст
Из тьмы веков эфир одушевленный
Для хора солнцев, лун и звезд;

Когда творец торжественное слово,
В премудрой благости, изрек:
«Да будет прах величия основой!»
И встал из праха человек...

Тогда ему, светлы, необозримы,
Хвалу воспели небеса,
И юный мир, как сын его любимый,
Был весь — волшебная краса...

И ярче звезд и солнца золотого,
Как иорданские струи,

Вокруг его, властителя святого,
Вились архангелов рои.
И пышный сонм небесных легионов
Был ясен, свят перед творцом
И на скрижаль божественных законов
Взирал с трепещущим челом.

Но чистый огнь невинности покорной
В сынах бессмертия потух —
И грозно пал, с гордынею упорной,
Высокий ум, высокий дух.

Свершился суд! .. Могучая десница
Подъяла молнию и гром —
И пожрала подземная темница
Богоотверженный Содом!

И плач, и стон, и вопль ожесточенья
Убили прелесть бытия,
И отказал в надежде примиренья
Ему правдивый судия.

С тех пор враги прекрасного созданья
Таятся горестно во мгле,
И мучит их, и жжет без состраданья
Печать проклятья на челе.

Напрасно ждут преступные свободы:
Они противны небесам,
Не долетит в объятия природы
Их недостойный фимиам!

Село Ильинское 8 июля 1834 г.

*

НЕГОДОВАНИЕ

Где ты, время невозвратное
Незабвенной старины?
Где ты, солнце благодатное
Золотой моей весны?
Как видение прекрасное,
В блеске радужных лучей,
Ты мелькнуло, самовластное,
И сокрылось от очей!
Ты не светишь мне попрежнему,
Не горишь в моей груди —
Предан року неизбежному
Я на жизненном пути.
Тучи мрачные, громовые
Над главой моей висят;
Предвещания суровые
Дух унылый тяготят.
Как я много драгоценного
В этой жизни погубил!
Как я идола презренного —
Жалкий мир — боготворил!
С силой дивной и кичливою
Добровольного бойца
И с любовию ревнивою
Исступленного жреца,

Я служил ему торжественно,
Без раскаянья страдал
И рассудка луч божественный
На безумство променял!
Как преступник, лишь окованный
Правосудною рукой, —
Грозен ум, разочарованный
Светом истины нагой!
Что же?.. Страсти ненасытные
Я таил среди огня,
И друзья — злодеи скрытные —
Злобно предали меня!
Под эгидою ласкательства,
Под личиною любви
Роковой кинжал предательства
Потонул в моей крови!
Грустно видеть бездну черную
После неба и цветов,
Но грустнее жизнь позорную
Убивать среди рабов
И попранному обидою
Видеть вечно за собой
С неотступной Немезидою
Безответственный разбой!
Где ж вы, громы-истребители,
Что ж вы кроетесь во мгле?
Между тем как притеснители —
Властелины на земле!
Люди, люди развращенные —
То рабы, то палачи —
Бросьте, злобой изощренные,
Ваши копья и мечи!

Не тревожьте сталь холодную —
Лютой ярости кумир!
Вашу внутренность голодную
Не насытит целый мир!
Ваши зубы кровожадные
Блещут лезвием косы —
Так грызитесь, плотоядные,
До последнего, как псы! . .

БАЮ-БАЮШКИ-БАЮ

В темной горнице постель;
Над постелью колыбель;
В колыбели, с полуночи
Бьется, плачет, что есть мочи,
Беспокойное дитя. . .
Вот, лампаду засветя,
Чернобровка молодая
Суетится, припадая
Белой грудью к крикуну,
И лелеет, и ко сну
Избалованного клонит,
И поет, и тихо стонет
На чувствительный распев
Девяностолетних дев:

Усыпительная песня

«Да усни же ты, усни,
Мой хороший молодец!
Угомон тебя возьми,
О постылый сорванец!
Баю-баюшки-баю!

Уж и есть ли где такой
Сизокрылый голубок,

Ненаглядный, дорогой,
Как мой миленький сынок?
Баю-баюшки-баю!

Во зеленом во саду
Красно вишенье растет;
По широкому пруду
Белый селезень плывет.
Баю-баюшки-баю!

Словно вишенье румян,
Словно селезень он бел —
Да усни же ты, буян!
Не кричи же ты, пострел!
Баю-баюшки-баю!

Я на золоте кормить
Буду сына моего;
Я достану, так и быть,
Царь-девицу для него. . .
Баю-баюшки-баю!

Будет важный человек,
Будет сын мой генерал. . .
Ну, заснул. . . хоть бы навек!
Побери его провал!
Баю-баюшки-баю!»

Свет потух над генералом;
Чернобровка покрывалом
Обернула колыбель —
И ложится на постель. . .

В темной горнице молчанье;
Только тихое лобзанье
И неясные слова
Были слышны раза два...
После, тенью боязливой,
Кто-то, чудилося мне,
Осторожно и счастливо,
При мерцающей луне,
Пробирался по стене.

САРАФАНЧИК

Мне наскучило, девице,
Одинешенькой в светлице
Шить узоры серебром!
И без матушки родимой
Сарафанчик мой любимый
Я надела вечерком —
Сарафанчик,
Расстеганчик!
В разноцветном хороводе
Я играла на свободе
И смеялась, как дитя!
И в светлицу до рассвета
Воротилась; только где-то
Разорвала я шутя
Сарафанчик,
Расстеганчик!
Долго мать меня журила
И до свадьбы запретила
Выходить за ворота;
Но за сладкие мгновенья
Я тебя без сожаленья
Оставляю навсегда,
Сарафанчик,
Расстеганчик!

ОПЯТЬ НЕЧТО

Ай, ахти! Ох, ура,
П[равославный] наш царь
Н[иколай] г[осударь].
В тебе мало добра!
Обманул, погубил
Ты мильоны голов —
Не сдержал, не свершил
И[мператорских] слов!
Ты припомни, что мы,
Не жалея себя,
Охранили тебя
От большой кутерьмы.
Охранили, спасли
И по братним т[елам]
Со грехом пополам
На п[рестол] возвели!
Много, много сулил
Ты солдатам тогда —
Миновала беда,
И ты все позабыл!
Помыкаешь ты нас
По горам, по долам —

Не позволишь ты нам
Отдохнуть ни на час!
От ста[льных] те[саков]
У нас сп[ины] трещат.
От уч[ебных] ша[гов]
У нас но[ги] болят!
День и ночь наподряд,
Как волов, наповал
Бьют и мучат с[олдат]
О[фицер] и ка[прал].
Что же, бе[лый] от[ец],
Своих черных ов[ец]
Ты стираешь с земли?
Иль мы кроме побой
Ничего пред тобой
Заслужить не могли?
Или думаешь ты
С нами вечно играть
И что — . . . .
Лучше доброй молвы.
Так у[мри же теперь],
П[равославный] наш [царь],
Н[иколай] г[осударь].
Ты бо[лван] наших р[ук]
Мы склеили тебя
И на тысячу штук
Разобьем, разлюбя.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Долго ль будет вам без умолку итти
Проливные, безотрадные дожди?
Долго ль будет вам увлаживать поля?
Осушится ль скоро мать-сыра земля?
Тихий ветер свежий воздух растворит —
И в дуброве соловей заголосит.
И придет ко мне, мила и хороша,
Юный друг мой, красна девица-душа!
    Соловей мой, соловей,
    Ты от бури и дождей,
    Ты от пасмурных небес
    Улетел в дремучий лес,
    Ты не свищешь, не поешь,
    Солнца ясного ты ждешь!
    Дева, девица моя,
    Ты от бури и дождя
    И печальна и грустна,
    В терему схоронена!
    К другу милому нейдешь,
    Солнца ясного ты ждешь!
Перестаньте же без умолку итти,
Проливные, безотрадные дожди!
Дайте вёдру, дайте солнцу проглянуть,
Дайте сердцу после горя отдохнуть!

Пусть, как прежде,—и прекрасна и пышна,
Воцарится благотворная весна,
Разольется в звонкой песне соловей,
И я снова — сладострастней и звучней
Расцелую очи девицы моей.

1836

ПЕСНЯ

Разлюби меня, покинь меня,
Доля, долюшка железная!
Опротивела мне жизнь моя,
Молодая, бесполезная!

Не припомню я счастливых дней,
Не знавал я их с младенчества —
Для измученной души моей
Нет в подсолнечной отечества!

Слышал я, что будто божий свет
Я увидел с тихим ропотом —
А потом житейских бурь и бед
Не избегнул с горьким опытом.

Рано, рано ознакомился
Я на море с непогодою.
Поздно, поздно приготовился
В бой отчаянный с невзгодою!

Закатилася звезда моя,
Та ль звезда моя туманная,

Что следила завсегда меня,
Как невеста нежеланная,
Не ласкала, не лелеяла,
Как любовница заветная,
Только холодом обвеяла,
Как изменница всесветная.

УЗНИК

> Воды, воды! Но я напрасно
> Страдальцу воду подавал.
>
> *А. Пушкин*

I

За решеткою, в четырех стенах,
Думу мрачную и любимую
Вспомнил молодец, и в таких словах
Выражал он грусть нестерпимую:

II

«Ох ты, жизнь молодецкая!
От меня ли, жизнь, убегаешь ты,
Как бежит волна москворецкая
От широких стен каменной Москвы!

III

Для кого же, недоброхотная,
Против воли я часто ратовал?
Иль, красавица беззаботная,
День обманчивый тебя радовал?

IV

Кто видал, когда на лихом коне
Проносился я степью знойною?

Как сдружился я, при седой луне,
С смертью раннею, беспокойною?

V

Как таинственно заговаривал
Пулю верную и метелицу,
И приласкивал и умаливал
Ненаглядную красну девицу?

VI

Штофы, бархаты, ткани цветные
Саблей острою ей отмеривал,
И заморские вина светлые
В чашах недругов после пенивал?

VII

Знали все меня — знал и стар, и
млад,
И широкий дол, и дремучий лес...
А теперь на мне кандалы гремят,
Вместо песен я слышу звук желез...

VIII

Воля-волюшка драгоценная!
Появись ты мне, несчастливому,
Благотворная, обновленная —
Не отдай судье справедливому!..»

IX

Так он, молодец, в четырех стенах,
Страже передал мысль любимую;
Излилась она, замерла в устах —
И кто понял грусть нестерпимую?..

ОТЧАЯНИЕ

Он ничего не потерял, кроме надежды.

А. Пушкин

О, дайте мне кинжал и яд,
Мои друзья, мои злодеи!
Я понял, понял жизни ад,
Мне сердце высосали змеи!..
Смотрю на жизнь, как на позор —
Пора расстаться с своенравной
И произнесть ей приговор
Последний, страшный и бесславной!
Что в ней? Зачем я на земле
Влачу убийственное бремя?..
Скорей во прах!.. в холодной мгле
Покойно спит земное племя:
Ничто печальной тишины
Костей иссохших не тревожит,
И череп мертвой головы
Один лишь червь могильный гложет.
Безумство, страсти и тоска,
Любовь, отчаянье, надежды,
И все, чем славились века,
Чем жили гении, невежды, —

Все праху, все заплатит дань,
До той поры, когда природа,
В слух уничтоженного рода
Речет торжественно: «восстань!»

КРАСНОЕ ЯЙЦО

А. П. Лозовскому

I

В те времена, когда вампир
Питался кровию моей,
Когда свобода, мой кумир,
Узнала ужасы цепей;
Когда, поверженный во мгле,
С клеймом проклятья на челе,
В последний раз на страшный бой,
На беспощадную борьбу,
Пылая местью роковой,
Я вызывал мою судьбу;
Когда, сурова и грозна,
Секиру тяжкую она
Уже подъяла надо мной —
И разлетелся бы мой щит,
Как вал девятый и седой,
Ударясь смело о гранит;
Когда в печальной тишине
Я лютой битвы ожидал, —
Тогда, как вестник мира, мне
Ты неожиданно предстал!
Мою бунтующую кровь
С умом мятежным помирил
И в душу мрачную любовь

К постыдной жизни водворил...
Так солнца ясного лицо
Рассеивает ночи тень,
Так узнику в великий день
Даруют красное яйцо!

II

Всему в природе есть закон:
Луна сменяется луной,
И годы мчит река времен
Невозвратимою волной!
Лучи обманчивых надежд
Еще горят во тьме ночей...
. . . .
. . . .
Моя судьба — то иногда
Мне улыбнется вдалеке,
То, как знакомая мечта,
Опять с секирою в руке
И опершись на эшафот,
Мне безотрадно предстает...
Тоска, отчаянье и грусть
Мрачат лазурный небосклон
Певца, который наизусть
Врагом и другом затвержен...
Безмолвен, мрачен и угрюм,
Я дань бесславию плачу
И, в вечном вихре черных дум,
Оковы тяжкие влачу!..
. . . .
Лишь ты один меня постиг...
Кому, скажи, как не тебе,

Знаком в убийственной судьбе
Прямой души моей язык?
Не ты ль один моих страстей
Прочел заветную скрижаль
И разгадал, быть может, в ней
Туманной будущности даль?
Не ты ли дикий каземат
Преобразил, волшебник мой,
В цветник приятный и живой,
В весенний скромный вертоград?

III

И пронеслося много лет
С тех пор, когда явился ты,
Как животворный, тихий свет
Ко мне в обитель темноты...
И где воинственный Кавказ
С его суровой красотой,
Где я с унылою мечтой
Бродил, страдал, но не угас!
Где дни отрады, новых мук,
Свиданий новых и разлук,
Минуты дружеских бесед,
Порывы бешеных страстей
И все, и все?.. Их больше нет, —
Они лишь в памяти моей.
Но сам я здесь, опять с тобой,
С тобою, верный, милый друг,
Как гул протяжный, тихий звук,
Иль эхо с арфой золотой!..

Москва, 1836 года, Апрель

1837

ТОСКА

Бывают минуты душевной тоски,
Минуты ужасных мучений,
Тогда мы злодеи, тогда мы враги
Себе и мильонам творений.

Тогда в бесконечной цепи бытия
Не видим мы цели высокой —
Повсюду встречаем несчастное «я»,
Как жертву над бездной глубокой;

Тогда, безотрадно блуждая во тьме,
Храним мы одно впечатленье,
Одно ненавистное — холод к земле
И горькое к жизни презренье.

Блестящее солнце в огнистых лучах
И неба роскошные своды
Теряют в то время сиянье в очах
Несчастного сына природы;

Тоска роковая, убийца-тоска
Над ним тяготеет, как мрамор могилы.

И губит холодная смерти рука
Души изнуренные силы.
Но зачем же вы убиты,
Силы мощные души!
Или были вы сокрыты
Для бездействия в тиши?
Или не было вам воли
В этой пламенной груди,
Как в широком чистом поле
Пышным цветом расцвести?
. . . .
. . . .

[ЧАХОТКА]

Вот тебе, Александр, живая картина моего настоящего положения: [1]

. . . .

. . . .

. . . .

Но горе мне с другой находкой:
Я ознакомился — с чахоткой
И в ней, как кажется, сгнию!
Тяжелой мраморной плитой,
Со всей анафемскою свитой —
Удушьем, кашлем — как змея,
Впилась, проклятая, в меня;
Лежит на сердце, мучит, гложет
Поэта в мрачной тишине
И злым предчувствием тревожит
Его в бреду и в тяжком сне.
Ужель, ужель — он мыслит грустно —
Я подвиг жизни совершил
И юных дней фиал безвкусный,
Но долго памятный, разбил!
Давно ли я, в оргиях шумных,

---

[1] Отрывок из письма к Александру Петровичу Лозовскому за месяц до смерти, в декабре 1837 г.

Ничтожность мира забывал
И в кликах радости безумных
Безумство счастьем называл?
Тогда — вдали от глаз невежды
Или фанатика глупца —
Я сердцу милые надежды
Питал с улыбкой мудреца,
И счастлив был! Самозабвенье
Плодило лестные мечты,
И светлых мыслей вдохновенье
Таилось в бездне пустоты.

. . . .

. . . .

С уничтожением рассудка,
В нелепом вихре бытия,
Законов мозга и желудка
Не различал во мраке я.
Я спал душой изнеможенной,
Никто мне бед не предрекал,
И сам — как раб, ума лишенный —
Точил на грудь свою кинжал;
Потом проснулся... но уж поздно.
Заря по тучам разлилась —
Завеса будущности грозной
Передо мной разодралась...
И что ж? Чахотка роковая
В глаза мне пристально глядит,
И, бледный лик свой искажая,
Мне, слышу, хрипло говорит:
«Мой милый друг, бутыльным звоном
Ты звал давно меня к себе;

Итак, являюсь я с поклоном —
Дай уголок твоей рабе!
Мы заживем, поверь, не скучно:
Ты будешь кашлять и стонать,
А я всегда и безотлучно
Тебя готова утешать...»

ГАЛЬВАНИЗМ, ИЛИ ПОСЛАНИЕ К ЗЕВЕСУ

Le monde est plein des
trompeurs et des trompés.[1]

N.

Итак, узнал я наконец
Тебя, Зевес самодержавный!
Узнал, что мир — большой глупец,
А ты — проказник презабавный!
Два металлических кружка
Да два телятины куска
С цепочкой медной за ушами —
Вот тайна молний и громов,
Которыми, как чудесами,
Ты нас стращал из облаков.
Гальвани с мертвою лягушкой
В лаборатории своей
Нам доказал, что ты людей
Всегда считал одной игрушкой!

---

[1] „Мир полон обманщиков и обманутых". *(Прим. ред.)*

Сын праха, слабый и глухой,
Под руководством гальванизма
Едва ль, Зевес почтенный мой,
Я не сойду до атеизма!
К чему мне ты? Я сам Зевес!

Перуны, молнии и громы
Мне без обмана и чудес
Теперь торжественно знакомы!
Огонь и блеск в моих очах,
И гром, и треск в моих ушах!

Я весь: разгульный шум Содома
И мусульманский вертоград
С тех пор, как дивный препарат
Из мяса, шелку и металла
Уснувших сил моих начала

Электризует и живит,
И все вокруг меня нестройно,
Разнообразно, беспокойно,
Но гармонически звенит!
Итак, Зевес, мое почтенье!
Тебе я больше не слуга!
Я сам велик — еще мгновенье...
И — вознесусь на облака!
Тогда, как вздорного соседа,
Тебя порядочно уйму,
А молодого Ганимеда,
Орла и Гебу отниму.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание мы включили избранные стихотворения А. И. Полежаева. Тексты известных стихотворений дополнены по вновь найденным спискам и авторитетным источникам (например, печатным экземплярам стихотворений Полежаева с пометками издателя П. А. Ефремова и др.).

Стихотворения расположены в хронологическом порядке. Исключение сделано лишь для одного — «Венок Пушкину», которым открывается книга, выходящая в год 150-летия со дня рождения великого русского поэта.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Рок. *Али Янинский* (1741—1822) — турецкий паша, наместник Албании, добившийся почти полной самостоятельности в управлении этой страной, находившейся тогда под властью Турции. Турецкий султан объявил его мятежником и послал против него войска. *Фирман* — указ турецкого султана. *Крез* (ум. в 548 г. до н. э.) — последний царь Лидии, древ-

него государства в М. Азии, обладатель огромных богатств. *Кир* (ум. в 529 г. до н. э.) — основатель древней персидской монархии, завоевавший Лидию. *Русь* — надо думать, что Полежаев разумел декабристов, казненных Николаем.

Песнь пленного ирокезца. *Ирокезцы (ирокезы)* — пять индийских племен в северо-восточной части Соединенных штатов, составлявшие самостоятельную конфедерацию; вели упорную борьбу за свою независимость против европейских завоевателей.

Песнь погибающего пловца. *Сокровенный сын природы* — в этих словах биографы видят намек поэта на свое «незаконное» происхождение.

Арестант. *Аббадона и Уриил* — падшие ангелы в поэме Фридриха Клопштока «Мессиада». *Дриады* (греч. миф.) — богини, таинственные существа, жившие в лесах. *Броня сермяжная* — шинель солдата. *Вал Земляной* — существующая и поныне часть Москвы. *Плутоновы люди* (миф.) — люди подземного царства. *Ленотр Андрэ* (1613 — 1700) — французский садовый архитектор, создатель парка в Версале. *Бог винограда* — Вакх. *Сын пьяный пьяного отца* — Поле-

жаев намекает на свое пристрастие к вину и на разгульный образ жизни своего отца, помещика Л. Н. Струйского.

Осужденный. Эпиграф взят из поэмы Пушкина «Братья-разбойники» (стих. 41).

Провидение. *Эреб* (греч. миф.) — ад, преисподняя. *Люцифер* (библ.) — ангел, поднявший восстание против богов, за что был удален из рая и ввергнут в ад.

К друзьям. *Я пережил мои* (вместо *свои. — Н. Б.) желанья* — взято из «Элегии» Пушкина 1820 г. *Сатурналии* — празднества в древнем Риме в честь Сатурна, бога земледелия; совершались в половине декабря. Полежаев употребляет это выражение иносказательно, намекая на разгульный характер праздника. *Вакханалии* — шумные празднества в честь Вакха; иносказательно — разгульные, пьяные увеселения. *Люблю я бешеную младость...* — стихи из 1-й главы «Евгения Онегина» (XXX строфа). *Бостон* — карточная игра.

Ночь на Кубани. *Геллеспонт* — греческое название пролива Дарданеллы. *Защита* — русская крепость.

Казак. В литературном отношении стихотворение восходит к балладе С. Т. Аксакова «Уральский казак. Истинное происшествие» («Вестник Европы», 1821, № 14, июль). Отдельными мотивами «Казак» близок произведениям гребенского фольклора («Песни гребенских казаков». Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Путилова, Грозный, 1946 г.). *Черные горы*, или Карадаг, — горная страна в Дагестане. *Трам абазинский* — верховой конь абазинской (абхазской) породы. *Базалай* — лучший мастер по выделке оружия, славившийся в Чечне и за пределами Кавказа. *Атага* — название чеченских аулов; Большая и Малая Атага.

Эрпели. Эпиграф — девиз английского рыцарского ордена «Подвязка». *Грозная* — русская крепость, основанная А. П. Ермоловым в 1818 г. в 30 километрах от Терека, на левом берегу р. Сунжи. *Форштадт* — предместье, расположенное за чертой крепости. В форштадте жили семейные солдаты стоявшего в те годы в Грозном 43-го егерского полка. *Розен* 4-й Роман Федорович (1782—1848), барон, ген.-лейтенант. С 27 марта 1829 г. командовал 14-й пехотной дивизией, состоявшей из полков Московского, Бутырского, Тарутинского

и Бородинского. *Багратионы* — старинная грузинская княжеская фамилия, члены которой в большинстве были военные. Здесь Полежаев имеет в виду генерала Багратиона Петра Ивановича (1765—1812), участника знаменитых походов Суворова в Италию и Швейцарию, который в 1812 г. был смертельно ранен в Бородинском сражении. *Беллона* (римск. миф.) — богиня войны. *Титан* — вершина кавказских гор, Казбек. *Воробьевский песок* — песок с Воробьевых гор, употреблялся для просушки чернил вместо нынешней промокательной бумаги. *Сулак, Сунжа* и *Терек* — реки в Северном Дагестане и в Чечне. *Костеки* — селение кумыков (племени горцев) — в Терской области, на реке Сулаке. *Ташкичу*, или Новый Аксай — большое селение кумыков на берегу Аксая, южнее города Кизляра. *Яман* (тюркск.) — дурно; *якши* — хорошо. *Аджар* — хребет гор; вместе с малым Кавказом составляет Армянское нагорье, между реками Курою и Араксом. *Внезапная* — русская крепость, основанная во времена А. П. Ермолова в 1819 г. близ деревни Эндери (Андреевская). Позднее была упразднена. *Магоги* — библейское название жестоких и грозных князей. *Шамхал* — титул дагестанского феодального владетеля прибрежного Дагестана (шамхальства Тарковского), под-

чиненного России с 1776 года. В описываемое время шамхалом был Мехти, который за услуги, оказанные России, был пожалован чином генерал-лейтенанта и титулом хана Дербентского. Преемником Мехти был Сулейман (см. ниже). При персидском владычестве шамхал назывался «Дагестан валиси» (наместник Дагестана). *Ермолов* Алексей Петрович (1772—1861) — генерал; выдающийся русский полководец, ученик Суворова и сподвижник Кутузова, виднейший деятель Кавказской войны. В 1827 г. Ермолов, подозреваемый царем в сочувствии декабристам, был отозван и заменен Паскевичем. Пользовался известностью в либеральных кругах и среди декабристов как человек, отрицательно настроенный по отношению к Николаю. *Граббе* Павел Христофорович (1789—1875) — генерал, участник завоевательных и карательных экспедиций на Кавказе в те годы. *Истамбул* (турецк.) — Стамбул, Константинополь. *Лев тавризский* — Персия, герб которой представлял изображение восходящего солнца и льва с поднятой саблей в лапе. Полежаев разумеет здесь Туркманчайский договор (1828) России с Персией, которым закончились русско-персидские войны. По этому договору Персия была лишена права иметь военный флот на Каспийском море и должна была

уступить России города Нахичевань и Эривань. *Казимулла* (1785—1832) — точнее: ших-Гази-хан-Мухамед — предшественник Шамиля, вождь, объединивший племена Чечни и Дагестана на религиозно-политической почве для защиты экономических и политических прав страны; вдохновитель священной (газават) войны против неверных, гяуров. *Тавлинцы* (таулинцы) — жители гор (тау — гора). *Койсубулинцы* — лезгины, жители долины рек Кой-су, Сулак и др. *Быль с Андреевским аулом* — землетрясение в феврале 1830 г., охватившее большой район в Северном Дагестане (от Эндери до Хунзаха). *Дефиле* — тесный проход, ущелье. *Темир-Хан-Шура* — город в Дагестане, ныне — Буйнакск, Дагестанской ССР. *Мирза Шамхалов* — Сулейман Мирза — старший сын шамхала Мехти; в 1833 г. он получил чин полковника, а позже — генерал-майора русской службы. *Иогель* — учитель танцев, пользовавшийся известностью в Москве. *Уткин* Алексей Васильевич — товарищ Полежаева по университету, художник, арестован и осужден был за составление дерзких песен вместе с поэтом В. А. Соколовским. В 1834 г. он сидел в Шлиссельбургской крепости, где умер в 1838 г. Написал портрет Полежаева в 1827—1828 гг. *Кизильбаши* — красные (раскрашенные) го-

ловы; персы красили волосы на голове и бороде. *Баранта* — грабеж, разбойничий набег с угоном скота. *Кафир-Кумык* — кафир — прозвище, данное арабами темнокожим племенам южной Африки (отсюда — кафры); кумыки — народ тюркского племени, живший в Дагестане к северу от Дербента. *Казанищи* (Большие, Нижние) — селение в 5 километрах южнее Темир-Хан-Шуры, занималось выделкой шашек и кинжалов. *Заводы Брянска или Тулы* — оружейные заводы; Полежаев мог посетить эти заводы во время похода с Московским полком по пути на Кавказ (Тулу — в феврале, а Брянск — в апреле 1829 г.). *Бурная* — русская крепость, устроенная А. П. Ермоловым в 1821 г. близ порта Петровск (ныне Махач-Кала). *Аманаты* — заложники. *Сорочины* — поминание по обычаю в сороковой день после смерти.

Песни. I. «Зачем задумчивых очей». *Хлоя* (греч. миф.) — сестра Зевеса, покровительница посевов, брака. В «пастушеской» поэзии XVIII в. Хлоя — условное имя. II. «У меня ль, молодца́». Начало этой песни близко произведениям гребенского фольклора.

Ахалук. *Ахалук* (архалук) — мужская верхняя одежда. *Атагинка* — чеченка,

жительница аулов Большой или Малой Атаги. *База* — женское имя у чеченцев.

Окно. — Это стихотворение навеяно мотивами и образами гребенского фольклора (наблюдение Вл. Безъязычного).

Чир-Юрт — селение в Сев. Дагестане, при выходе Сулака из гор. Взят русскими войсками 19 октября 1831 г. Стихотворение было написано Полежаевым — участником чир-юртской битвы в конце 1831 или начале 1832 г., дата 15 мая 1832 г. относится только к посвящению. *Эвмениды* (миф.) — богини-мстительницы. *Маюртуп* (Майортуп) — одно из самых крупных селений Большой Чечни. В густом маюртупском лесу (у сел. Анто-Юрт) весной 1831 г. произошла кровопролитная схватка солдат Московского полка с горцами, в которой участвовал Полежаев. Маюртуп — кумыкское, Кошкильди — чеченское селения в Сев. Дагестане. *Греков Н. В.* (1789—1829) — генерал, один из подчиненных Ермолова; убит при разоружении группы пленных чеченцев. *Кой-Су и Арак-су* — реки в Дагестане. *Плие, на пе* — термины карточной игры. *Вельяминов* 3-й А. А. (1788—1838) — генерал, был начальником штаба при Ермолове, личный друг последнего. Был удален с Кавказа вместе с Ермоло-

вым, но в 1831 г. был назначен на пост командующего кавказской линией. *Абаз* — персидская монета. *Певец Гюльнары* — Байрон; Гюльнара — персонаж в поэме Байрона «Корсар». *Засс Г. Х.* (1797—1883) — генерал, с 1826 г. — участник Кавказской войны, командир Моздокского казачьего полка. *Князь Черкасский* — Черкасский Ф. А. (1791—1832) — генерал-майор, выходец из Кабарды, был близок к Ермолову и Вельяминову. *Балтугай* — селение у одноименной горы на левом берегу Сулака.

Опять нечто. *Тесак* — холодное оружие с двусторонним клинком. Тесаками производили также и телесные наказания в армии.

Узник. Эпиграф взят из поэмы Пушкина «Братья-разбойники».

Гальванизм, или послание к Зевесу. *Гальвани* Луиджи (1737—1798) — профессор анатомии в Болонье. С его именем связано открытие динамического электричества, или гальванизма. *Ганимед* (греч. миф.) — прекрасный юноша, подносивший богам на Олимпе нектар. *Геба* (Гебея, греч. миф.) — дочь Зевса, богиня вечной юности и молодости.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ А. И. ПОЛЕЖАЕВА

Стихотворения А. Полежаева. М. 1832.

«Эрпели» и «Чир-Юрт». Две поэмы А. И. Полежаева. М., 1832.

«Кальян». Стихотворения А. Полежаева. М., 1833. Второе издание вышло в 1838 г.

«Арфа». — Стихотворения А. Полежаева. М., 1838.

«Часы выздоровления». Стихотворения А. Полежаева. М., 1842.

Стихотворения А. Полежаева. С портретом автора и статьею о его сочинениях, писанною В. Белинским. Изд К. Солдатенкова и Н. Щепкина, М., 1857, и 2-е издание — 1859 (составил Н. Х. Кетчер).

Стихотворения А. И. Полежаева. Под редакцией П. А. Ефремова. СПб., 1889 (лучшее из дореволюционных изданий).

А. И. Полежаев. Полное собрание стихотворений, под ред. Н. Ф. Бельчикова. «Библиотека поэта» (большая серия). Ленинград, «Советский Писатель», 1939

СОДЕРЖАНИЕ

1830

1830—1831

1832

1834

1835

1836

1837

НЕДАТИРОВАННОЕ

Редактор *А. Островский*

Художник *Л. Хижинский*. Технич. ред. *Р. Сквирская*. М 24720. Подписано к печати 5/IX 1949 г. Печ. л. 4. Авт. л. 11,51. Уч.-изд. л. 11,83. Тираж 20 000. Цена 8 р. Зак. 581. Типография № 3 Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
74	2 св.	Лазовскому	Лозовскому
82	1 сн.	Вторый	Второй
90	1 "	праха	прахом
107	9 "	не возмутит	их возмутит
234	10 св.	мраморной	мраморною
247	4 сн.	В 1834	С 1834

А. Полежаев